

Николай Михайлович Карамзин

**Историческое похвальное
слово Екатерине**

II

Николай Михайлович Карамзин

Историческое похвальное слово Екатерине II

«...Дерзаю говорить о Екатерине – и величие предмета изумляет меня. Едва произнес Ее имя, и мне кажется, что все бесчисленные народы царств Российских готовы внимать словам моим: ибо все обожали Великую. И те, которые, скрываясь во мраке отдаления – под тению снежного Кавказа или за вечными льдами пустынной Сибири, – никогда не зрели образа Бессмертной, и те чувствовали спасительное действие Ее правления...»

Содержание

#1	0005
Часть первая	0013
Часть вторая	0038
Часть третья	0096

**Николай Михайлович
Карамзин
Историческое похвальное
слово Екатерине II**

Сограждане! Дерзаю говорить о Екатерине –
Си величие предмета изумляет меня. Едва
произнес Ее имя, и мне кажется, что все бес-
численные народы царств Российских готовы
внимать словам моим: ибо все обожали Вели-
кую. И те, которые, скрываясь во мраке отда-
ления – под тению снежного Кавказа или за
вечными льдами пустынной Сибири, – нико-
гда не зрели образа Бессмертной, и те чув-
ствовали спасительное действие Ее правле-
ния; и для тех была Она Божеством невиди-
мым, но благотворным. Где только сияло
солнце в областях Российских, везде сияла Ее
премудрость.

Счастливые Ораторы, могущие украсить и
возвеличить дела своих Героев! Или вы, кото-
рые даром красноречия воскрешаете темные
подвиги древности! Ваша доля завидна. Не
скажут, что вы унизили предмет свой. Кому
судить вас строго? Но мне должно изобразить
Монархиню, которая Своим величием удиви-
ла вселенную; мне должно славить первую
Героиню нашего времени, и в присутствии
тех, для которых слава Ее была счастьем. Она
еще жива в их сердце; Она еще и по смерти

благотворит им! Черты мои должны казаться слабыми... Но горе тому, кто, представляя себе Екатерину, может думать о пользе своего ничтожного самолюбия! Благодарность, усердие есть моя слава. И я жил под Ее скипетром! И я был счастлив Ее правлением! И буду говорить о Ней! Истина сильнее воображения; чувство разительнее красноречия – и ваше сердце, о Россияне, возвысит действие моего слабого таланта.

Зерцало веков, История, представляет нам чудесную игру таинственного Рока: зрелище многообразное, величественное! Какие удивительные перемены! Какие чрезвычайные происшествия! Но что более всего пленяет внимание мудрого зрителя? Явление великих душ, полубогов человечества, которых непостижимое Божество употребляет в орудие Своих важных действий. Сии любимцы Неба, рассеянные в пространствах времен, подобны солнцам, влекущим за собою планетные системы: они решают судьбу человечества, определяют путь его; неизъяснимою силою влекут миллионы людей к некоторой удобной Провидению цели; творят и разрушают

царства; образуют эпохи, которых все другие бывают только следствием; они, так сказать, составляют цепь в необозримости веков, подают руку один другому, и жизнь их есть История народов.

Сограждане! Не только в тени древних отдаленных времен, не только среди песчаных морей Африки, на полях Маратонских, под орлами державного Рима, видим таких избранных и великих смертных! О слава России! Под небесами любезного отечества, на его троне, в его венце и порфире сияли Петр и Екатерина. Они были *наши* – и любовь Всевышнего запечатлела Их Своею печатью! *Они* друг другу, на величественном феатре их действий, подают руку!.. Так, Екатерина явилась на престоле оживить, возвеличить творение Петра; в Ее руке снова расцвел иссохший жезл Бессмертного, и священная Тень Его успокоилась в полях вечности; ибо без всякого суеверия можем думать, что великая душа и по разлуке с миром занимается судьбою дел своих. Екатерина Вторая в силе творческого духа и в деятельной мудрости правления была непосредственною преемницею Великого Петра; разде-

ляющее Их пространство исчезает в Истории. И два ума, два характера, столь между собою различные, составляют впоследствии удивительную гармонию для счастья народа Российского! Чтобы *утвердить* славу мужественного, смелого, грозного Петра, должна чрез сорок лет после Его царствовать Екатерина; чтобы *предуготовить* славу кроткой, человеколюбивой, просвещенной Екатерины, долженствовал царствовать Петр: так сильные порывы благодетельного ветра волнуют весеннюю атмосферу, чтобы рассеять хладные остатки зимних паров и приготовить Натуру к теплomu веянию Зефиров!

Чудесный Промысел Всевышнего, непостижимый для смертных! Кто бы вздумал искать при одном из скромных Княжеских Дворов Германии, в тихом семействе Ангальт-Церстского Дома, – кто бы вздумал искать там причины нашего благоденствия и славы народа Российского? Какой Улисс мог бы узнать сию новую Пирру в Ее первой, нежной юности? Какой мудрый Астролог, видя утреннюю зарю сего величества, предсказал бы в Екатерине восход лучезарного светила для северной Ев-

ропы и Азии? Казалось, что судьба определила Ей быть добродетельною супругою какого-нибудь счастливого Немецкого Князя. Нравственные скромные достоинства нежного пола были единственным предметом родителей при Ее воспитании. Часто, среди славы Ее царствования, в искренних излияниях дружества (которым только великие Монархи умеют на троне наслаждаться) Она с Ангельскою улыбкою говорила достойнейшим из своих подданных: «Меня воспитывали для семейственной жизни; Провидение открыло мне науку царствовать»... Провидение! Так, конечно: непосредственные дары Его производят все чрезвычайное в мире. Первое воспитание определяет судьбу одних обыкновенных душ; великие, разрывая, так сказать, его узы, свободно предаются внутреннему стремлению, подобно Сократу внимают тайному Гению, ищут своего места на земном шаре и образуют себя для оногo. Одна искра, и животворный огонь Прометеев пылает; одна великая мысль, и великий ум, воскриляясь, парит орлом под облаками!

Екатерина была известна в Германии Сво-

ею красотою, разумом и скромною любезностью, когда Елисавета призвала Ее украсить Двор Российский. Вы, которые имели счастье видеть тогдашнюю цветущую юность Ее, вы доньше говорите с восторгом о первых живых чувствах удивления, возбужденных в сердце вашем Ангельским видом Ее, редким соединением божественных прелестей! Я зрел лучезарный запад сего светила, и глазам моим не представлялось ничего величественнее. Она рождена была для самодержавия. Кротость, приятность ума, врожденное искусство пленять душу людей единым словом, единым взором произвели всеобщую к Ней любовь Двора. Он был училищем для Екатерины, которая имела выгоду примечать его волшебную игру, не будучи еще на троне. Тут Ее проницательный взор открыл слабые стороны человеческого сердца, опасности Царей и хитрые способы, употребляемые лукавством для их обольщения: открытие важное для науки царствовать! Тут прочитала Она в добрых сердцах все тайные желания истинных сынов отечества; тихий глас Патриотов доходил до Ее нежного слуха... Они с восторгом говорили

о Петре Великом и Его великих намерениях. Екатерина хотела узнать сего полубога Россиян, и все дела, все законы Его, вместе с древнейшими летописями нашего государства, были предметом Ее живейшего любопытства. Сего не довольно: славнейшие иностранные Авторы и Философы, подобно благодетельным Гениям, ежедневно украшали разум Ее новыми драгоценностями мыслей; в их творениях[1] искала Она правил мудрой Политики, и часто, облокотись священной рукою на бессмертные страницы *Духа законов*, раскрывала в уме Своем идеи о народном счастье, предчувствуя, что Она Сама будет творцом одного для обширнейшей Империи в свете!.. Воображая сию душевную деятельность, я вижу, кажется, перед собою юного Алкида, который, в тишине собирая силы, утверждая мышцы и рамена свои, готовится предпринять геройские подвиги... Ах! Подвиг мудрого Царя есть самый приятнейший в мире!

И Екатерина на троне!.. Уже на бессмертном мраморе Истории изображен сей незабвенный день для России: удерживаю порыв моего сердца описать его величие... Красота в

образе воинственной Паллады!.. Вокруг блестящие ряды Героев; пламя усердия в груди их!.. Перед Нею священный ужас и Гений России!.. Опираясь на Мужество. Богиня шествует – и Слава, гремя в облаках трубою, опускает на главу Ее венок лавровый!..

С Екатериною воссели на престол кроткая мудрость, божественная любовь к славе (источник всех дел великих), неутомимая деятельность, знание человеческого сердца, знание века, ревностное желание довершить начатое Петром, просветить народ, образовать Россию, утвердить ее счастье на столпах незыблемых, согласить все части правления, и купить бессмертие делами Матери Отечества. Сей обет произнесла Монархиня во глубине души Своей, и небесный Сердцеведец даровал Ей силу для исполнения.

Сограждане! Екатерина бессмертна Своими *победами, мудрыми законами и благотельными учреждениями*: взор наш следует за нею на сих трех путях славы.

Часть первая

Сколь часто Поэзия, Красноречие и мнимая Философия гремят против славолюбия завоевателей! Сколь часто укоряют их бесчисленными жертвами сей грозной страсти! Но истинный Философ различает, судит и не всегда осуждает. Прелестная мечта всемирного согласия и братства, столь милая душам нежным! Для чего ты была всегда мечтою? Правило народов и Государей не есть правило частных людей; благо сих последних требует, чтобы первые более всего думали о внешней безопасности, а безопасность есть – могущество! Слабый народ трепещет; сильный, под эгидою величия, свободно наслаждается политическим бытием. Сия истина рождает правила для Монархов. Исчезни память кровожадных Аттил, которые хотели побеждать единственно для славы побед! Но цветы имя Героев, которые разили врагов отечества и победами запечатлели его благоденствие! Петр и Екатерина хотели приобретений, но единственно для пользы России, для ее могущества и внешней безопасности, без которой всякое

внутреннее благо ненадежно. Монархиня знала, что Империя Оттоманская, по своему закону и духу правления, есть опасный враг России; что все союзы, все дружественные договоры с нею будут только кратким перемирием и что единственный способ утвердить покой нашего государства есть ослабить сего природного и вечного неприятеля Христиан, – знала и совершила. Но Европа видела, что Екатерина, будучи всегда готовою к войне, по особенной любви к справедливости никогда Сама не разрывала мира; когда же меч, извлеченный для обороны, блистал в руке Ее, тогда – горе врагам безрассудным!

Едва Монархиня успела привести в лучший порядок внутреннее правление государства, уже дерзостный Мустафа оскорбил величие России; объявил себя союзником Польских мятежников; требовал, чтобы войско наше оставило Станислава им в жертву; и наконец, презирая священное право народов, заключил в темницу того, кто при его Дворе был образом Екатерины!

Уже ее войны разили Оттоманов; уже на берегах Днестровских развевались наши по-

бедоносные знамена... но взор Екатерины еще искал Полководца, достойного Ее доверенности и великих намерений. Она не хотела войны обыкновенной; не хотела жертвовать людьми по воле случая: хотела действием превосходного ума предписать закон Року. Искала и нашла – Румянцева! Сей великий муж славно отличил себя во время войны Прусской; взял Колберг; удивлялся хитрости искусного Фридриха, но часто угадывал его тайные замыслы; *сражался* с ним и видел несколько раз побег его воинства.

Талант великих душ есть узнавать великое в других людях; и Екатерина, избрав Румянцева, ускорила падение Турецкой Империи.

Герой, прияв начальство, переменял все воинские распоряжения; отвергнул все малодушные осторожности, похожие на робость, и введенные в наших армиях чужеземными военачальниками. *«Не рогатки, а огонь и меч защита ваша»*, – сказал он Российским легионам, и вдохновение геройства оживило их. Пошли – и с того времени каждый удар Россиян был поражением для Оттоманов.

Дела невероятные, чудесные! Сии страшные завоеватели Востока, ужас Европы, истребители славных армий ее, не могут стоять пред лицом Румянцева! Восемьдесят тысяч отборного Турецкого войска, под начальством Хана Селима, исчезло как прах на берегах Прута; ни высокая гора, ни укрепленный стан не спасли их. Сего мало – туда, где река Прут вливает быстрые воды свои в величественный Дунай; туда, где великий Петр, окруженный неверными, отчаялся быть победителем и требовал мира – туда Гений Екатерины привел Румянцева и поставил его между врагами бесчисленными. С одной стороны, Хан Крымский горел ревностию загладить стыд своего поражения; с другой – сам Визирь уже торжествовал в мыслях победу. Сограждане! Каждый из вас слышал о великом дне Кагульском и проливал радостные слезы, достойные Русского сердца; я проливал их, внимая вашему повествованию, Герои именитые, счастливые сподвижники Румянцева! И никогда в моем воображении не затмится сия величественная картина. 17 тысяч Русских на рассвете прекраснейшего дня в глубоком молчании

ждут умереть со славою против 150 тысяч неприятелей; тихое веселие на их лицах; в груди предчувствие геройского бессмертия. Все повеления были отданы, и вождь казался спокойным; одно величество блистало в его взорах. Вдруг громы возвестили явление солнца, и тучи дыма сокрыли его, оно снова воссияло – и где враги многочисленные? Я вижу трофеи наши, и среди их Героя Румянцева, который, не изменив всегдашнего спокойного лица своего, пишет к Монархине донесение о славнейшей победе в мире. Дух Петра Великого! Ты утешился. Отныне слияние Прута с Дунаем будет радостным памятником для Россиян.

За сим торжеством Екатериной славы мир увидел другое, не менее чудесное. Сама Природа заграждает, кажется, дальний путь нашим флотам, окружая льдами гавани России на половину года; но Гений Монархини побеждает Природу, и волны моря Средиземного пенятся под рулями Российскими. Священные воспоминания Истории волновали сердце наших плывущих Героев, когда они узрели берега Италии. *Им казалось, что вели-*

кие тени Фабрициев, Камиллов, Сципионов, паря над гробом древней Республики, с любопытством и удивлением взирали на гордый и сим морям неизвестный флаг Екатерины; *им казалось*, что Россия есть новый Рим своим величеством. С такими чувствами наши Аргонавты приближались к странам, еще древнейшим в летописях славы и равно богатым великими идеями; они надеялись воскресить там геройство Ликурговых и Солоновых питомцев; надеялись именем новой Афиней воззвать к жизни и великим делам потомков Мильтиада, Аристида, Фемистокла. Но долгое рабство навеки умертвило там сердца людей; грубый слух не внимал уже сладкому имени свободы, и Герои Российские увидели, что им надлежало думать только о славе Екатерины. Не за тем окружили они Европу, не за тем оставили за собою берега Африканские, чтобы творить дела обыкновенной храбрости... и море Эгейское пылает!.. О зрелище, для самого воображения ужасное, мысль смелая и великая! Исполнение дерзостное и счастливое! Молниеносные Россияне повелевают стихиями: огонь и волны ис-

стребляют врага! Веками уготованные морские силы его исчезают с дымом! Все Оттоманское гибнет, кроме одних трофеев для победителя, – и Монархиня возлагает их, скромно и величественно, на гроб Петра Первого! Чесма бессмертна, подобно Полтаве и Кагулу; и семидесятый год минувшего века есть самый цветущий год нашей воинской славы.[2]

Следующее лето также осенило нас лаврами. Что начал Иоанн Грозный, то довершила Екатерина Великая. Сии славные глубокие окопы, которые от Черного моря простираются до Азовского, не могли остановить торжественного течения Ее воинов, и Крым, последнее убежище варваров, бывших некогда ужасом и бичем нашего отечества, пал к стопам Российского Гения. – Берега Дуная не переставали обагряться кровию неверных, и Константинополь трепетал, внимая близким громам нашего флота. Мустафа смирился: Румянцев опустил меч свой; но еще не пришел конец бедствиям Оттоманов. Мирные переговоры не имели счастливого успеха, и Полководец Екатерины украсил Ее корону новыми лаврами; разил, истреблял, очистил себе путь

к Адрианополю, отрезал, окружил Визиря – и Геройскою рукою своею подписал славный для России мирный трактат, который открыл нам моря Турецкие и Дарданеллы, даровал независимость Крыму, обогатил казну государственную миллионами, утвердил за Россиею Азов и Таганрог. Никогда еще отечество наше не заключало столь блестящего мира с Портою!

Беспримерные подвиги сей войны украсили книгу Российского Дворянства тремя именами славы. Рим имел Сципионов Африканских, Азиатских: Екатерина воскресила сию награду, достойную Ее величия, – и Россия имеет своего Задунайского, Чесменского, Крымского.

Последним торжеством Румянцева был тот день, когда Екатерина именем отечества изъявила ему благодарность. Отягченный лаврами, он сходит с феатра славы и скрывается от глаз наших; но История приемлет его во святилище бессмертия. Так, она скажет Россиянам: «Во дни Екатерины Румянцев открыл вам тайну всегда побеждать неверных, малым числом бесчисленность; усеять поля

группами их и сохранять целостность рядов ваших!» – Если таланты изъясняются сравнением, то Задунайского можно назвать Тюреном России. Он был мудрый Полководец; знал своих неприятелей и систему войны образовал по их свойству; мало верил слепому случаю и подчинял его вероятностям рассудка; казался отважным, но был только проницателен; соединял решительность с тихим и ясным действием ума; не знал ни страха, ни запальчивости; берег себя в сражениях единственно для победы; обожал славу, но мог бы снести и поражение, чтобы в самом несчастии доказать свое искусство и величие; обязанный Гением Натуре, прибавил к ее дарам и силу Науки; чувствовал свою цену, но хвалил только других; отдавал справедливость подчиненным, но огорчился бы во глубине сердца, если бы кто-нибудь из них мог сравниться с ним талантами: судьба избавила его от сего неудовольствия. – Так думают о Задунайском благодарные ученики его.

Теперь обращается взор наш на ту, некогда мощную Республику, которой имя и бытие уже исчезло в Европе. Давно ли еще наглая и

злостная Польша терзала наше отечество? Давно ли она, пользуясь его изнеможением, хищною рукою хватала в свое подданство целые Княжества Российские? Давно ли древняя столица Владимира носила ее цепи? Давно ли и ты, Москва цветущая, лежала у ног гордого вождя Сарматского? Но Россия, подобно спавшему исполину, восстала в гневе своем; враги ее, в их чреду, упали на колена пред нею, и возвратили похищенное. Так, Монархиня взяла в Польше только древнее наше достояние, и когда уже слабый дух ветхой Республики не мог управлять ее пространством. Сей раздел есть действие могущества Екатерины и любви Ее к России. Полоцк и Могилев возвратились в недра своего отечества, подобно детям, которые, быв долго в горестном отсутствии, с радостию возвращаются в недра счастливого родительского семейства.

Крым был независим; но Крым был еще гнездом разбойников, опасных для России. Сия прекрасная часть нашей Империи, где Природа столь щедро награждает трудолюбие и за каждое лону ее вверенное зерно дает богатый клас земледельцу; где на тучных

паствах рассыпаются стада бесчисленные; где свирели и нежные песни веселых пастырей, простота нравов, миролюбие и общее добродушие жителей напоминают воображению счастливые берега Ладона – Малороссия не могла быть покойною в соседстве неукротимых варваров. Екатерина повелела – и воинство Ее, не обнажив меча, заняло полуостров Крымский, древнюю Тавриду, столь известную в Истории и в самой Мифологии. Монархиня еще не ведала, что сие важное приобретение возвратило России ее некогда именитое Княжество Тмутораканское или столицу его, которая скрывалась досель [3] от любопытства наших Историков. Таким образом, пресеклись грозные набеги Татар, столь бедственные для нашего отечества. – Сама же Таврида будет всегда прекрасною частицею Российской Империи и со временем важною для торговли с Архипелагом и Востоком. Уже любопытные из отдаленных земель приезжают видеть сию чудесную страну, которая представляет взору и гранитные горы Швейцарии, и плодоносные долины Пьемонтские; страну, где творческая Натура с нежными красотоми

соединила величественные; где в одно время и зима свирепствует, и весна улыбается; где мудрый наблюдатель Природы находит для себя разнообразные богатства, и где чувствительное сердце, наскучив светом, может насладиться самым приятнейшим уединением.

Оттоманская Порта содрогнулась; и хотя, по занятии Крыма нашими войсками, возобновила мирный трактат с Россиею, но скоро тайная злоба ее воспылала...

Здесь напомним вам, сограждане! Славное путешествие Монархини в страны Ею заселенные или завоеванные. Она желала видеть Тавриду и новые плоды своего счастливого царствования. Зрелище восхитительное, достойное Екатерины! От самых берегов Невских до волн Понта Эвксинского шествие Великой казалось торжеством победительницы мира. Не цепи невольников гремели вокруг торжественной колесницы, но радостные восклицания довольных подданных; миллионы упали перед Нею как пред Божеством благодетельным. Так некогда обожаемая Семирамида, в сиянии славы, при звуке бесчисленных мусикийских орудий, шествовала по цве-

тущим областям ее, изумляя подданных своих величием и щедротами!.. Как сладостно было сердцу Монархини, когда искреннее усердие вещало Ей: «Сии трудолюбием и художеством украшенные места недавно были горестною пустынею, дикою степью; где сии обширные сады зеленеют и гордые палаты возвышаются, там одни песчаные холмы представлялись унылому взору! В сем юном городе,[4] Тобою сотворенном, уже цветет торговля. Здесь Восток и Запад меняются своими богатствами. Здесь все исполнено *имени* и славы Твоей!» Там два Венценосца встретили Монархиню как бы для того, чтобы еще более украсить Ее торжество. Екатерине обязан был Станислав короною, и славился тем перед светом. Иосиф внимал Ее премудрым намерениям для блага человечества, когда Она чрез волны Эвксинские устремляла священный взор на град Константина. Цари Италии спешили Посольствами изъявить радость свою о приближении Северной Царицы к странам их.

Сие путешествие и догадки Европы о свидании Екатерины с Иосифом послужили От-

томанскому Двору предложением к разрыву мира. Война снова возгоралась. Уже Румянцев не был главным, деятельным начальником; но дух его в Российских армиях – и неверные, увидев их, вострепетали; они узнали прежних своих разителей, узнали по их быстрым движениям, смертоносным громам, сокрушительным ударам; бежали с полей открытых, милых геройству, страшных робости и заключились в крепких оградах. Но ни Искусство, ни Природа не могли защитить их – и сия война ознаменовалась для славы нашей двумя, чудесно смелыми и счастливыми приступами. Только Россияне могут быть предметом сравнения для Россиян: Очаков пал некогда перед Минихом; но Очаков не был еще укреплен тогда всеми хитростями Искусства. Теперь падет он во всем своем величии, чтобы тем более увеличить славу нашу. Продолжительная осада была только действием человеколюбия Екатерины и доказательством непоколебимого терпения наших воинов, которые в открытом стане презирали все ужасы зимние. Монархиня щадила жизнь людей; надеялась, что враг покорится; но когда Военачаль-

ник произнес Ее именем решительное слово, Герои вошли в крепость по трупам неприятелей. – Взятие Измаила было еще славнее. Там армия обороняла город; высокие стены, глубокие рвы, страшная артиллерия – все обещало ему безопасность. Пришел Суворов... казалось для того, чтобы видеть неприступность города. Воинство неверных, в грозной многочисленности представ очам Россиян на валу крепости, хотело одним видом своим поразить их. Уже гордый начальник Измаила думал, что он видит смятение нашего Героя; что Суворов ожидает ночи для сокрытия неминуемого бегства! Ночь прошла – и Суворов в Измаиле! 20 000 Оттоманов легло в окопах. С изумлением узнала Европа, что наши, столь легко вооруженные Донские воины, под начальством Героя, превращаются в фалангу Македонскую и берут крепости.

В Херсоне Иосиф был верным другом России; но счастье и слава, еще вернейшие друзья наши, не хотели его признать своим союзником. Воинство его ужаснулось сверкающих кинжалов, грозного вопля неверных и страшного имени Аллы, призываемого ими в сра-

жениях. Баннат был свидетелем Австрийских несчастий. Оттоманы, спасенные бегством от меча Российского, разили воинов Иосифа, тех, которые прежде сами побеждали храбрейшие армии в Европе. Украшенный лаврами старец, совместник великого Фридриха, был вызван из мирного уединения спасти отечество. Запад жизни его еще озарился лучом славы, но кратковременным; и Лаудон, взяв Белград, без успеха приступал к Орсове. Одни Россияне могли ободрить унылые легионы Австрийские; один *Рымникский* мог принести славу и счастье в стан их – и принес. Семь тысяч Русских указали им путь к победе... Австрийцы сразились храбро... Визирь изумился!

Но увидев впереди знамена Екатерины, услышав имя Суворова, в первый раз показал тыл нашим союзникам. В сей-то незабвенный день Австрийцы узнали чудесного Суворова; и когда, чрез десять лет после того, надлежало им против храбрых Республиканцев поставить вождя крепкого, они, забыв народную гордость свою, требовали Героя Рымникского.

Екатерина в сие время имела еще других врагов. Порта, Англия и Пруссия обольстили

Густава: он дерзнул объявить войну России. Когда известие о первых его неприятельских действиях пришло в наши столицы, тогда надлежало видеть беспримерное усердие Россиян к отечеству и к Монархине. Все воспылали гневом на врага вероломного и ревностью наказать его; все мирные граждане готовы были лететь на поле брани. Сие воспоминание еще живо в сердцах ваших, сограждане, – воспоминание незабвенное и радостное для Патриотов! Могли ли Готфы, неохотные исполнители незаконной воли[5], стоять против сынов обожаемой Екатерины, сильных любовью к отечеству и ненавистью к виновнику сей войны несправедливой? Густав думал, что его нечаянное нападение приведет в трепет Россию и откроет ему путь к столице. Он забыл имена и подвиги наших избранных легионов, столь ужасных для его предков! Сии Герои стремились возобновить прежнюю славу свою в каменистом отечестве Финнов и доказать миру, что стража Монархов' Российских достойна своего имени и сана. Где только Готфы сражались, там Россияне побеждали, на водах и на суше. Густав истоцил все

способы ума и дерзости своей – напрасно и без успеха! Екатерина внимала грому флотов его, но покойно и величественно гуляла в садах Своих. Король, ослепленный высокомерием и лживыми союзниками, увидел наконец заблуждение и прибегнул к великодушию Монархини: Она даровала ему мир, который единственно мог спасти бедные остатки сил его.

Порта Оттоманская видела пред собою конечную гибель. Твердейшие опоры ее пали; воинство унывало; страшные Янычары страшились одного имени Россиян; море, отверстое для наших флотов, всякий день могло представить очам Султана флаг Екатерины... Но Монархиня желала успокоить Своих воинов и не отвергла мира. Она могла взять Константинополь, но взяла только Очаков, и след Турецкого владения истребился на сем берегу Днестра. Все Дворы удивились Ее умеренности; но Екатерина знала время, обстоятельства; хотела видеть следствие некоторых новых Европейских перемен[6] и отсрочила дальнейшие успехи Российского оружия.

Польша была также предметом Ее внима-

ния. Остатки сей Республики волновались и кипели злобою на Россию. Беспокойные умы испровергли древние законы, утвержденные Екатериною; собирали войско и не скрывали своих опасных для нашей Империи умыслов. Но благоразумные требовали заступления Монархини. Она повелела восстановить древний Устав Республики: толпы мятежников были рассеяны горстиею наших воинов, и Польша могла бы еще успокоиться под эгидою Российскойю... Но последний час ее настал. Не смея ратоборствовать с Героями в поле, она хотела умертвить их в объятиях сна, и драгоценная кровь Российская обагрила стогны Варшавские. Слабодушные убийцы! Стыд Севера, который, издревле довольствуясь славою побеждать Юг во бранях, оставлял ему гнусную славу коварных злодейств под сению мира! Варшава напомнила ужасы Сицилианские!.. Сердце Екатерины содрогнулось. Державная рука Ее бросила в урну сей недостойной Республики жребий уничтожения, и Суворов, подобно Ангелу грозному, обнажил меч истребления; пошел – и вождь мятежников спасается от смерти пленом; и Прага,

крепкая их отчаянием, дымится в своих развалинах; и Варшава падает к стопам Екатерины. Совершилось!.. Польши нет; но ее мятежные и несчастные жители, утратив имя свое, нашли мир и спокойствие под державою трех союзных Государств. Республика без добродетели и геройской любви к отечеству есть неодушевленный труп. Афинская, Спартанская, Римская имели свое цветущее время; Польская была всегда игралищем гордых вельмож, феатром их своевольтва и народного унижения... Богатейшие страны ее достались на часть России.

Взятием Варшавы заключил при Екатерине подвиги свои Герой, которого имя и дела гремят еще в Италии и на вершинах Альпийских; на которого еще взирает изумленная им Европа, хотя мы уже осыпали цветами гроб его – цветами, не кипарисами; ибо смерть великого Воина, который полвека жил для славы, есть торжество бессмертия и не представляет душе ничего горестного. Суворов был один из самых счастливейших Полководцев; подобно Александру, сколько раз сражался, столько раз побеждал; подобно Цесарю, ста-

вил себя выше Рока, и Рок не смел изобличить его в ошибке. Что в другом оказалось бы гибельною дерзостью, то в нем было спасительною надежностью и предчувствием события. Он не шел, а летел к Славе, которая со своей стороны встречала его на половине пути. Вся военная теория его состояла в трех словах[7]: *взор, быстрота, удар* — но *взор* сей дает Природа не многим; но *быстрота* сия была тайною для самых Аннибалов; но *удар* сей разителен единственно с Суворовым. Он не любил ничего, кроме славы; ко всему прочему казался невнимательным, нечувствительным. Об искусстве Военачальников судил всегда по их успехам: каких же высоких мыслей надлежало ему быть о самом себе? Некоторые считали его жестоким — несправедливо: *он любил* побежденных неприятелей, ибо они были живыми его трофеями. Суворов не хотел знать, как искусный Полководец спасает остатки разбитой армии: ибо место первого несчастного сражения было б ему могилою. — Изображение Героев Задунайского и Рымникского принадлежит к царствованию Екатерины: Она выбрала одного, упо-

требляла другого, и слава их есть часть Ее славы. Град Святого Петра созерцает их памятники, вместе стоящие: там юные воины отечества будут произносить обеты героизма. И в сем ревностном творении слабого моего таланта да сияют вместе имена наших первых Военачальников!

Уничтожение Польской Республики возвратило независимость Курляндии, завоеванию храбрых Тевтонических Рыцарей, стране плодоносной, известной в самых древних летописях по своим рудокопиям, минеральным водам и прекрасному янтарю, собираемому на берегах ее. Но Курляндия, зная, что независимость всегда бывает несчастьем для области бессильной, хотела славы принадлежать Екатерине. Монархиня прияла ее под Свою державу, и Россия обогатилась новыми Портами, драгоценными для успехов торговли.

Уже орлы наши парили под небесами Востока; уже крылатая молва несла в страны Великого Могола имя Российской Монархини; уже воинство наше, то подымаясь к облакам на хребте гор туманных, то опускаясь в глубокие долины, дошло до славных *врат Каспий-*

ских; уже стена Кавказская, памятник величия древних Монархов Персии, расступилась перед оным; уже смелый вождь его приял серебряные ключи Дербента из рук старца, который в юности своей вручал их Петру Великому, и сей град, основанный, по восточному преданию, Александром Македонским, оселился знаменами Екатерины... когда всемогущая Судьба пресекла дни Монархини и течение побед Ее. Тайнство великой Души нам неизвестно. Чудесные дела Екатерины могли быть увенчаны новым чудом; война Персидская могла иметь предмет важный; могла открыть путь в Россию несметным богатствам Востока; могла успокоить народы мятежные, которые под влиянием счастливейшего неба служат примером бедствий; могла... Но, повторю: тайнство великой Души нам неизвестно.

Монархиня оставила Россию на вышней степени геройского величия, обогащенную новыми странами, гаванями и миллионами жителей; безопасную внутри, страшную для внешних неприятелей. Мир не знал, как побеждают Россиян, и Россияне не знали, как не

сокрушить врага. Их стихия была слава: и сим-то чувством Великая готовила победы! Она умела награждать воинские заслуги достойным их образом; отличала воинские дарования лестным благоволением – и Герой, который имел счастье лобызать Ее державную руку, слышать восхитительные слова Милости, пылал новой ревностью героинства, не думая о жизни. Юноши, осыпанные цветами роскоши, среди столицы усыпленные нею, при первом звуке Марсовой трубы пробуждались, срывали с себя венки Граций и стремились на поле чести искать опасностей и венков лавровых. Только во время Екатерины видели мы сии, можно сказать, волшебные превращения нежных Сибаритов в суровых чад Лакедемона; видели тысячи Российских Альцибиадов! Европа с благоговением взирала на трон России, поручив ему весы свои. Одно слово Монархини решало судьбу государств: ибо в след за ним готовы были лететь непобедимые!

Не только благо нашего отечества, но и благо целого мира утверждено победами Екатерины. Давно ли еще знамя лжепророка гро-

зило стенам Венским? Новый Магомет II мог быть новым истребителем государств Европейских: сколь же бедственны успехи Оттоманского оружия для человечества и просвещения? Теперь варвары уже не опасны для Европы; теперь слабый Паша Виддина презирает могущество Порты!.. И сия безопасность есть дело Великой Екатерины, Которая потрясла и разрушила сей колосс ужасный.

Часть вторая

Екатерина Завоевательница стоит на ряду с первыми Героями вселенной; мир удивлялся блестящим успехам Ее оружия – но Россия обожает Ее уставы, и воинская слава Героини затмевается в Ней славою Образовательницы государства. Меч был первым властелином людей, но одни законы могли быть основанием их гражданского счастья; и находя множество Героев в Истории, едва знаем несколько имен, напоминающих разуму мудрость законодательную.

Нетерпеливые мысли мои спешат устремиться на многие предметы, столь любезные уму и сердцу; но прежде означим главное и столь новое для России благодеяние Екатерины, которое изъясняет все другие и которое всем другим изъясняется; означим, так сказать, священный корень нашего блаженства во дни Ее – сию печать, сей дух всех Ее законов.

Она уважила в подданном сан человека, нравственного существа, созданного для счастья в гражданской жизни. Петр Великий хо-

тел возвысить нас на степень просвещенных людей: Екатерина хотела обходиться с нами как с людьми просвещенными. История представляет нам самовластных Владык в виде грозного божества, которое требует единого слепого повиновения, не дает отчета в путях своих – гремит, и смертные упадают в прах ничтожества, не дерзая воззреть на всемогущество. Екатерина преломила обвитый молниями жезл страха, взяла масличную ветвь любви и не только объявила торжественно, что Владыки земные должны властвовать для блага народного, но всем своим долголетним царствованием утвердила сию вечную истину, которая отныне будет правилом Российского Трона: ибо Екатерина научила нас рассуждать и любить в порфире добродетель. Счастливые Россияне нашего века! Вы уже не помните строгих, опасных времен, когда страшно было наименовать Венценосца; но имя Екатерины, с самого Ее вступления на престол, подобно имени благодетельного существа, из уст в уста с любовью и радостью предстало. С Нею воцарились мир в семействах и веселие в обществах; все души успо-

коились, все лица оживились, и добрые подданные сказали: «Монархиня! Читай в сердцах наших:

«Мы не боимся, ибо мы любим Тебя!» «Хотя и оставалась еще некоторая тень мрачного, Тайного судилища; но под Ее собственным, мудрым надзиранием оно было забыто добрыми и спокойными гражданами[8]. Хотя Великая предоставила Августейшему Ее внуку бессмертную славу *искоренить* навеки учреждение времен несчастных, ненужное в то время, когда счастье Монарха и подданных составляет единое и когда любовь народная вооружена мечом правосудия для наказания злых умыслов; но в царствование Екатерины одни преступники, или явные враги Ее, следовательно, враги общего благоденствия, страшились пустынь Сибирских; для одних извергов отверзался сей хладный гроб живых. Монархиня презирала и самые дерзкие суждения, когда оные происходили единственно от легкомыслия и не могли иметь вредных следствий для государства: ибо Она знала, что личная безопасность есть первое для человека благо; и что без нее жизнь наша, среди

всех иных способов счастья и наслаждения есть вечное, мучительное беспокойство. Сей кроткий дух правления – доказательство Ее любви и самого почтения к человечеству долженствовал быть и главным характером уставов Ее.

Монархиня, самым первым Манифестом открыв подданным дальние виды Своей мудрости и государственного блага, спешила утвердить правосудие, защиту собственности в гражданском обществе. Ей известно было страшное зло лихоимства, которое превращает святое место Суда в постыдное торжище, где бедная невинность безгласна и где богатство есть обожаемый, всемогущий идол. Какое хладное сердце может быть нечувствительно к Ее красноречивому, убедительному, трогательному Указу о сем предмете?[9] Любовь Свою к правде ставит Она в пример сим недостойным судиям, которые вместо славы быть орудиями истины, щитом невинности, ужасом злодейства пекутся только о гнусной корысти!

Сенат, учрежденный Петром Великим для управления государством; Сенат, который в

отсутствие Монарха имел всю власть Его, но который по кончине Петра утратил свое могущество – будучи заменен Верховным Тайным Советом, а после Кабинетом Императорским – хотя и был восстановлен со всеми правами Императрицею Елисаветою, но бесчисленные дела, стекаясь в сем главном судилище, так сказать, исчезали в его архивах к неизъяснимому вреду частных людей и государственной экономии. Екатерина разделила Сенат на Департаменты, каждому из них предписала особый род дел и сим порядком оживила их течение. Вы знаете, избранные мужи, преемники Долгоруких и Головиных, друзей Петровых – вы знаете, чего Монархиня от вас требовала! Там, в собрании ваших священных хартий, блюдетя на память векам сие собственной руки Ее[10] начертание, в котором Она говорит с вами как с именитыми отцами древнего Рима, изъявляя пламенную ревность Свою ко благу России, заклиная вас любовью к отечеству быть достойными орудиями законов и ставя вам в пример Историю! От вас единых всегда зависело быть подобными тому величественному Совету, который Ца-

рям казался *Советам Царей*. Великая Сама за-седала с вами и рассуждала о пользе народ-ной. Единый из вас[11], муж, достойный по-чтения Россиян, дерзнул представить Ей воз-ражение в деле важном и государственном, уже решенном Монархинею; не трепетал го-лос его, и вид спокойный не изменялся; он знал Екатерину – и державная рука Ее предрала бумагу, Ею подписанную. Сей день для него славен – еще славнее для Монархи-ни!

Желая, чтобы дух ревности, влиянный Ею в главное Правительство Империи, распро-странился и во всех частях ее, Она обнародо-вала Свое мудрое *Наставление Губернаторам* [12], в котором предписывает им быть оком и душою правосудия, чтобы во всех судебных местах, им подчиненным, обитала святая ис-тина и чтобы ни знатность вельмож, ни сила богатства не могли обольщать совести, а вдовы и сироты не проливали слез бедствия!

Торговля, отрасль государственного благо-состояния, была особенным предметом Ее внимания. Она даровала ей все способы цве-сти и распространяться: Она даровала ей сво-

боду. Гавани открылись для вывоза богатых произведений России, богатых своею необходимостью для других народов. Обрадованное купечество могло уже по воле меняться товарами с Китаем, с Востоком и с Европою[13].

Архангельский Порт престал завидовать Петербургскому, и все исключительные права для общей пользы уничтожились. В правление Екатерины чудесные успехи внешней торговли были следствием Ее мудрых коммерческих уставов.

Российское государство представляло взору Монархини многие обширные страны, обогащенные Натурою, но пустые, ненаселенные. Она благодетельными законами[14] привлекла трудолюбивых иностранцев в Россию, и звук секиры раздался в диких лесах; пустыни оживились людьми и селениями; плуг углубился в свежую землю, и Природа украсилась плодами трудов человеческих. Уже давно путешествующие иностранцы в отдаленных пределах наших с удивлением находят своих единоплеменников, которые говорят им о щедротах Екатерины, и которые, по мере их искусства и прилежности, благоденствуют в

нашей Империи, не жалея о своем отечестве. Так, среди волнистых степей Царицынских цветет теперь мирная Колония Евангелического Братства, подобно счастливому острову среди Океана; пленяет глаза всеми драгоценностями ремесла, а сердце картиною добрых нравов; действует своим просвещением на соседственные дикие народы и платит нам долг признательности ласковым гостеприимством.

Учреждение Монархини в рассуждении Духовных имений есть также одно из достопамятных дел Ее законодательного разума. Она знала, что строгий монашеский чин должен быть свободен от всех земных попечений, столь несообразных с его святостию, и совершила намерение Великого Петра, отдав монастырские деревни под начальство светское, определив достаточные суммы для всех потребностей Духовенства, для благолепия церквей и повелев употребить прочие доходы с его миллиона душ на успокоение престарелых воинов и содержание духовных училищ [15]. Таким образом исполнилось желание благочестивых людей, которые, отдавая мона-

стырям свое богатство, без всякого сомнения хотели, чтобы оно употреблено было на благодетельные заведения, что же может быть святее призрения изувеченных Героев и основания училищ, в которых образуются служители Олтарей, и достойные проповедники Божественного Слова? Знаменитейшие Духовные Особы изъявили в сем деле патриотическое свое усердие. Имена Митрополита Новгородского и Архиепископа Санкт-петербургского будут всегда известны вместе с именем Феофана, сотрудника Петрова.

Я не буду говорить о бесчисленных Указах, изданных Екатериною в первые три года Её царствования и доказывающих ту неусыпную ревность к отечеству, ту непонятную деятельность, которая объемлет все части целого, и которой пример находим в Петре Великом. Но потомство заметит, что внутреннее превосходное образование наших армий есть дело Екатерины. Она определила ясно[16] все должности от первого Начальника до последнего воина и строгую необходимую для успехов подчиненность основала на правилах разума; Она Своим Уставом влила в легионы на-

ши дух чести и благородства; Она произвела, что воины одного полка считали себя детьми одного семейства, гордились друг другом и стыдились друг за друга; Она, требуя от одних непрекословного повиновения, другим предписала в закон не только человеколюбие, но и самую приветливость, самую ласковую учтивость; изъявляя, можно сказать, нежное попечение о благосостоянии простого воина, хотела, чтобы он знал важность сана своего в Империи и, любя его, любил отечество.

Теперь представляется мне славнейшая эпоха славного царствования! Россия имела многие частные, мудрые законы, но не имела общего Уложения, которое бывает основанием государственного благоустройства. Обыкновенные умы довольствуются временными, случайными постановлениями: великие хотят системы, целого и вечного. Чего Петр Великий не мог сделать, то решилась исполнить Екатерина. Чувствуя важность всего предприятия, Она хотела разделить славу Свою с подданными и признала их достойными быть советниками Трона. Повелев собраться Государственным Чином или Депута-

там из всех судилищ, из всех частей Империи, чтобы они предложили свои мысли о полезных уставах для государства, Великая говорит: «Наше первое желание есть видеть народ Российский столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольствие может на сей земле простираться. Сим учреждением даем ему опыт Нашего чистосердечия, великой доверенности и прямой материнской любви, ожидая со стороны любезных подданных благодарности и послушания»[17]. Воображение мое не может представить ничего величественнее сего дня, когда в древней столице нашей соединились обе гемисферы земли, явились все народы, рассеянные в пространствах России, языков, обычаев и вер различных: потомки Славян-победителей, Норманов, ужасных Европ и Финнов, столь живо описанных пером Тацитовым; мирные пастыри южной России, Лапландские Ихтиофаги и звериными кожами одеянные Камчадалы. Москва казалась тогда столицей вселенной, и собрание Российских Депутатов сеймом мира. Им торжественно объявили волю Монархини – и Самоед удивился,

слыша, что нужны законы людям! [18] Им торжественно вручили сей славный «Наказ» Екатерины, писанный Ею для избранной Комиссии Депутатов, переведенный на все Европейские языки, зеркало Ее великого ума и небесного человеколюбия. Никогда еще Монархи не говорили с подданными таким пленительным, трогательным языком! Никто, никто еще из сидящих на троне столь премудро не изъяснялся, не имел столь обширных понятий о науке управлять людьми, о средствах народного счастья. Сограждане! Сие творение так достопамятно и священно, что сердце мое пылает ревностию представить вам главные черты его.

Монархиня прежде всего определяет образ правления в России – *Самодержавный*; не довольствуется единым всемогущим изречением, но доказывает необходимость сего правления для неизмеримой Империи. Только единая, нераздельная, державная воля может блюсти порядок и согласие между частями столь многосложными и различными, подобно Творческой Воле, управляющей вселенною; только она может иметь сие быстрое,

свободное исполнение, необходимое для пресечения всех возможных беспорядков; всякая медленность произвела бы несчастные следствия (9, 10, 11[19]). Здесь примеры служат убедительнейшим доказательством. Сограждане! Рим, которого именем целый мир назывался, в едином самодержавии Августа нашел успокоение после всех ужасных мятежей и бедствий своих. Что видели мы в наше время? Народ многочисленный на развалинах трона хотел повелевать сам собою: прекрасное здание общественного благоустройства разрушилось; неописанные несчастия были жребием Франции, и сей гордый народ, осыпав пеплом главу свою, проклиная десятилетнее заблуждение, для спасения политического бытия своего вручает самовластие счастливому Корсиканскому воину. Не за тем оставил человек дикие леса и пустыни; не за тем построил великолепные грады и цветущие села, чтобы жить в них опять как в диких лесах, не знать покоя и вечно ратоборствовать не только с внешними неприятелями, но и с согражданами; что же другое представляет нам История Республик? Видим ли на сем

бурном море хотя единый мирный и счастливый остров? Мое сердце не менее других воспламеняется добродетелию великих Республиканцев; но сколь кратковременны блестящие эпохи ее? Сколь часто именем свободы пользовалось тиранство и великодушных друзей ее заключало в узы? Чье сердце не обливается кровию, воображая Мильтиада в темнице, Аристида, Фемистокла в изгнании, Сократа, Фокиона, пьющих смертную чашу, Катона-самоубийцу и Брута, в последнюю минуту жизни уже не верящего добродетели? Или людям надлежит быть Ангелами, или всякое многосложное Правление, основанное на действии различных волей, будет вечным раздором, а народ несчастным орудием некоторых властолюбивцев, жертвующих отечеством личной пользе своей. Да живет же сия дикая Республиканская независимость в местах, подобно ей диких и неприступных, на снежных Альпийских громадах, среди острых гранитов и глубоких пропастей, где от вечных ужасов Природы безмолвствуют страсти в хладной душе людей и где человек, не зная многих потребностей, может довольствоваться-

ся немногими законами Природы.

Сограждане! Признаем во глубине сердец благодетельность Монархического Правления и скажем с Екатериною: «Лучше повиноваться законам под единым Властелином, нежели угождать многим» (12). «Предмет Самодержавия, – вещает Она, – есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы действия их направить к величайшему благу» (13). Сия утешительная истина в устах Монарших пленяет сердце – и неизмеримая Империя, под скипетром Венценосца, следующего правилам Екатерины, кажется мне счастливым семейством, управляемым единою волею отца, по непрременным законам любви его. Сие Правление тем благотворнее, что оно соединяет выгоды Монарха с выгодами подданных – чем они довольнее и счастливее, тем власть Его святее и Ему приятнее. Оно всех других сообразнее с целию гражданских обществ, ибо всех более способствует тишине и безопасности.

«Государь есть источник всякой власти в Монархии» (19); «но сия власть должна действовать чрез некоторые посредства, некото-

рым определенным образом: рождаются Правительства и закон, которые делают твердым и неподвижным установление всякого государства» (20,21). «Сенат, главное Правительство, но зависящее от Монарха, есть в России хранилище законов» (26). «Он принимает их от Государя для исполнения; но может представлять Ему, если найдет в них что-нибудь вредное, темное или противное Учению» (21,23,24). Таким образом, Сенат в отношении к Монарху есть совесть Его, а в отношении к народу – рука Монарха; вообще же он служит эгидою для государства, будучи главным блюстителем порядка.

Монархиня, сказав, что Самодержавие не есть враг свободы в гражданском обществе, определяет ее следующим образом: «Оно есть не что иное как спокойствие духа, происходящее от безопасности, и право делать все дозволяемое законами (38,39); а законы не должны запрещать ничего, кроме вредного для общества; они должны быть столь изящны, столь ясны, чтобы всякий мог чувствовать их необходимость для всех граждан; и в сем-то единственно состоит возможное равенство

гражданское! (34) Законодатель сообразуется с духом народа; мы всего лучше делаем то, что делаем свободно и следуя природной нашей склонности. Когда умы для лучших законов не готовы, то приготовьте их; когда же надобно для счастья народа переменить его обычаи, то действуйте одним примером. Одно необходимое наказание не есть тиранство, и законом подлежит только явное зло» (57–63).

Монархиня разделяет все возможные преступления на особенные роды, и мудрость Ее, обогащенная мыслями Философов, которые занимались сим важным делом, определяет для каждого рода особенные наказания, извлеченные из самого естества вины – мысль святая! Новое светило для Законодателей! Таким образом «нарушитель благонравия да лишится выгод, сопряженных с благонравием; да ознаменуется стыдом, всенародным бесчестием; да удалится от общества, которому он служит поношением; да загладит раскаянием дело свое, и да исправится! Таким образом нарушитель общего покоя да лишится мирных его наслаждений, и губитель других да погибнет!» (68–79).

Премудрая доказывает умом и опытами, что «излишно строгое наказание не удерживает людей от злодеяний; что умеренное, но *продолжительное*, действует на душу сильнее жестокого, но *маловременного*; что законы *исправительные* и кроткие благотворнее строгих, *искоренительных*; что ужасная привычка к казни ожесточает сердце и отнимает у Законодателя способы к исправлению нравов; что *стыд* должен быть главным его орудием; что не умеренность наказания, а совершенное упущение вины рождает дерзость и необузданность» (81–91). Нежная душа Екатерины могла ли без трепета вообразить лютую казнь смерти, уничтожение существа, одаренного чувством? Монархиня отрицает ее необходимость в спокойное царствование законов, и кроткая Философия торжествует над жестоким обыкновением веков (209–212). Ко славе вашей, Россияне! – скажет некогда История, – что у вас первых престала литься кровь человеческая на эшафотах! И одно нежное, женское сердце, подкрепленное необыкновенною силою ума, могло согласить правосудие с человечеством! Злодейство наказано;

но единый Бог располагает жизнь людей в России!

Закон, утвердив наказание, должен определить и способы открывать преступление. «В странах, где человечество угнетено, суд прост и решителен: гордый Паша выслушивает распрю – и судимый оправдан или наказан. Но в государстве просвещенном, где жизнь, честь и собственность гражданина священны, требуется основательного разыскания истины (112–114)». Монархиня исчисляет все необходимые осторожности в судопроизводстве; определяя случаи, в которых многие согласные вероятности рождают уверение, отвергает все сомнительные доказательства; ставит неясное преступление еще наряду с невинностью; щадить судимого до последней возможности оправдания, избавляя его от всех ужасов, предшествующих наказанию, и страшным вратам темниц дозволяет отверзаться единственно для обличенных (116–191). С каким трогательным красноречием изображает Она ужас сего варварского обыкновения терзать людей прежде осуждения, сей адом вымышленный способ допро-

сов, страшнейший самой казни, вину бесчисленных ложных показаний и неправедных приговоров! (193–197) Сердце всякого чувствительного, содрогаясь вместе с добродетельным сердцем Монархини, уверено, что в Ее царствование ни в каком случае не могло быть терпимо сие лютое и безрассудное истязание.

С таким же Ангельским человеколюбием судит Она то преступление, которого имя всего страшнее в Самодержавиях – *«оскорбление Величества»* — и которое часто бывает предлогом несправедливых жестокостей, единственно от темного и ложного понятия о существе оного. Так, в Риме наказывалось смертью неуважение к статуям Императора (475); так, по древнему закону Англии надлежало казнить врача, который дерзнул бы сказать о больном Короле, что жизнь его в опасности» (476). Монархиня говорит, что истинное оскорбление Величества есть только злодейский умысел против Государя (478); что не должно наказывать за слова как за действия (481), кроме случая, в котором возмутитель проповедует мятеж и бунт, следственно, уже

действует (480); что слова всего более подвержены изъяснениям и толкам; что безрассудная нескромность не есть злоба (481); что для самого безумного носителя имени Царей должно определить только исправительное наказание (482); что в «самодержавном государстве хотя и нетерпимы язвительные сочинения, но что их не должно вменять в преступление, ибо излишняя строгость в рассуждении сего будет угнетением разума, производит невежество, отнимает охоту писать и гасит дарования ума» (484).

Означив таким образом свойство и действие законов, Монархиня требует от их сочинителя ясности в слоге, убедительной силы, доказательств пользы; они не терпят никаких излишних тонкостей ума, будучи писаны для всего народа; они суть не логические хитрости, но простое и здравое суждение отца, пекущегося о детях и домашних своих; язык их есть язык добродетели и благости; слог их совершен не высокопарностью, не витийством, но чистотою, благородством, необходимостью каждого слова. Они должны быть светлым зеркалом, в котором всякий гражда-

нин, правый и неправый, видел бы ясно судьбу свою; чтобы добродушный судья не усомнился в их смысле и чтобы самый лукавый не мог находить в них двусмыслия, благоприятного для ябеды и неправосудия (448–462).

Но Екатерина не довольствуется тем, чтобы все возможные преступления в обществе были судимы и наказываемы по их истинной важности: Она желает отвратить зло. Солоны и Ликурги времен грядущих! Внимайте словам Ее! «Хотите ли предупредить злодеяния? – Сделайте, чтобы законы благодетворили равно всем гражданам; чтобы люди страшились только законов и ничего более не страшились; чтобы законы уничтожали только бедственную свободу вредить ближнему; награждайте добродетель, просвещайте людей, усовершенствуйте воспитание!» (243–248). Екатерина открывает вам тайну человеческого сердца и государственного благополучия. Дайте способы человеку в каждом гражданском отношении находить то счастье, для которого Всевышний сотворил людей, ибо главным корнем злодеяний бывает несчастье. Но чтобы люди умели наслаждаться и быть до-

вольными во всяком состоянии мудрого политического общества, то просветите их! Они увидят необходимость гражданской зависимости, необходимость нравственного добра для счастья и будут довольнее, добрее и счастливее!

Но просвещение требует хорошего воспитания (348). Оно должно быть двойное: нравственное воспитание человека, общее во всех странах, и политическое воспитание гражданина, различное по образу Правлений. Религия, любовь к добродетели, к трудам, к порядку, чувствительность к несчастью ближних, рассудительность или повиновение сердцу уму принадлежит к первому; любовь к отечеству, к его учреждениям и все свойства, нужные для их целости, входят во второе (351–352). Пусть Спартанец или житель диких Кантонов Гельвеции не терпит самовластия! В России при самом начальном раскрытии души должно вкоренить в человека благоговение к Монарху, соединяющему в себе государственные власти, и, так сказать, *образу отечества*. «Каждое особенное семейство должно быть управляемо примером большо-

го семейства (349), которое есть государство. Хотя в пространной Империи общественное или народное воспитание невозможно, однакож Законодатель должен предписать некоторые правила, которые могли бы служить по крайней мере советом для родителей (350)». Монархия приписывает оные – и Философ, посвятивший всю жизнь свою на образование сердца, не мог бы сказать ничего премудрее.

Екатерина обращает взор на три государственных состояния: земледельческое, торговое, или ремесленное, и воинское. «Первое есть самое необходимое и труднейшее: тем более должно ободрять его (297)». Монархия ставит в пример обычай Китая, где Император ежегодно возвышает прилежнейшего земледельца в сан Мандарина. Сообразуясь с уставами нашего государства, Она предлагает иные способы награды для тех, которые, потом лица своего орошая землю, извлекают из недр ее истинные сокровища людей, гораздо драгоценнейшие Перуанского золота и Бразильских диамантов; «главное же ободрение сельского трудолюбия есть, по словам Ее, пра-

во собственности: всякий печется о своем более, нежели о том, что другому принадлежит или что другие могут отнять у него (295, 296)»; Ее человеколюбивое намерение ясно (261); Ее желание также (260). Чувствуя, сколь нужно размножение народа для России, Екатерина спрашивает: «От чего более половины младенцев, рождаемых в наших селах, умирает в детстве?» Она угадывает источник сего страшного зла: «Порок в физическом воспитании и в образе жизни. Люди, не могущие о самих себе иметь нужного попечения в болезнях, могут ли иметь хороший присмотр за слабыми существами, находящимися в беспрестанной болезни, то есть в младенчестве? Какое счастье для России, если найдется способ отвратить такую гибель!» (266–276). Одним словом: Она хотела благоденствия земледельцев; хотела, чтобы, осыпанные изобилием Природы, среди многочисленных семейств своих, они трудились для наслаждения, и под смиренным кровом сельских хижин, где любит обитать спокойствие, не завидовали великолепным градским палатам, где часто праздность и скука изнуряет сердце; Она хо-

тела, чтобы трудолюбие, зернистые классы, златые нивы, полные житницы были для них истинною роскошью!

Как от успехов земледелия цветут поля и села, так *среднее политическое состояние* украшает грады (378). Обогащая государство торговлею и художествами, представляя ему новые источники общественного избытка и силы, оно не менее полезно и для успехов земледелия, имея нужду в его плодах и щедро награждая за них селянина (377). Премудрая чувствует необходимость особенных законов для градских жителей, для определения их прав и выгод (393), для одобрения их промышленности и трудолюбия. Каждая мысль Ее о сем предмете есть важная истина для Законодателей. «Торговля бежит от притеснений и царствует там, где она свободна; но свобода не есть самовластие торгующих в странах вольных: например, в Англии они всего более ограничены законами[20]; но законы сии имеют единственную целию общее благо торговли, и купечество в Англии процветает (317–322)». – Сей же род людей прославляет государство науками (380), имеющими влияние

и на благо других состояний.

Цветущие села и грады должны быть безопасны от внешних неприятелей, которые огнем и мечом могут превратить их в гробы богатств и людей: образуется воинское состояние, училище Героев, древний источник гражданских отличий, названных правами Благородства или Дворянства (365). Гражданин, для общего блага жертвующий не только спокойствием жизни, но и самую жизнь, есть предмет государственной благодарности; ее мера есть мера услуг его. Герои, спасители отечества, были везде первыми знаменитыми гражданами, пользовались везде особенными правами (361). Но чем же наградить воина, умирающего на поле славы? Народная признательность изобрела способ быть *вечною*, награждая отца в сыне: почесть важнейшая мраморных памятников! И так право наследственного Благородства есть священное для самого рассудка, для самой Философии – и *полезное* для общества: ибо дети знаменитых мужей, рожденные с великими гражданскими преимуществами, воспитываются в долге заслужить их личными своими достоинства-

ми (374). Честь и слава, по словам бессмертного Монтескье, есть семя и плод Дворянства. Хотя первым источником оно было издавна одними воинскими добродетелями; но как правосудие нужно не менее побед для государственного благоденствия, то оно также может быть отличием сего рода людей (368), сих главных стражей отечества вне и внутри его. Но славные права Дворян, их не менее славные обязанности всегда ли будут только жребием некоторых счастливых поколений? Нет: добродетель с заслугою сообщают Благородство (363), – вещает Екатерина – и таким образом открывает путь славы для всех состояний. Что можно приобрести достоинствами, то можно утратить пороками: Монархия означает и те, и другие. Если человек, который долгое время был для сограждан примером нравственного совершенства и любви к отечеству, рукою Государя возводится на ступень Дворянства, то можно ли стоять на ней изменнику, вероломному, лживому свидетелю? Он свертается в толпу народную, где гражданское правосудие знаменует его стыдом и бесчестьем (371).

Глава о государственной Экономии служит наставлением для всех Монархов, утешением для всех граждан, доказывая первым, что о свободе торговой можно сказать то же, что о свободе политической: она состоит не в воле делать все полезное одному человеку, а в воле делать все не вредное обществу.

Они суть только хранители общественного сокровища, и могут употреблять его единственно для блага народного; доказывая последним, что они, уделяя Государю часть своего избытка, утверждают тем собственное благосостояние; что они платят дань не Государю, а самим себе, или друг другу. Если пастыри и земледельцы хотят, чтобы стада и поля их были целы, то нужно воинство для отражения внешних хищников; если купечество желает безопасности для кораблей своих, то надобен флот, готовый наказать дерзостного оскорбителя их Флагов. Внутренняя безопасность, полезные заведения, удобность пути для сообщения людей, соединение рек, наконец, самое великолепие Двора, изображающего величие народа, — одним словом, все предметы государственных расходов име-

ют в предмете общую пользу (575–579). Но Монархиня желает облегчить сию необходимость для народа и предписывает Законодателю искать новых, удобнейших способов для разделения налогов, сравнивая их с легкими парусами, долженствующими ускорять плавание корабля, а не бременить его (601). Самое же вернейшее средство умножить государственные богатства есть умножить народ и привести в цветущее состояние земледелие, ремесла, торговлю, художества, науки (603–618).

Всякая часть законодательства представляется важною и спасительною под мудрым пером Екатерины. Она первая изобразила все великие должности сберегательной власти или Благочиния. Во многих землях имя Полиции означает единственно наушников Правительства и ужас не только злых людей, но и самых добрых. Монархиня превращает ее в благодетельное судилище нравов и порядка для всей Империи. Полиция, соблюдая тишину, обуздывает вредную роскошь, старается искоренять и даже предупреждать нравственное зло, бесчинство, обманы; печется о

безопасности, физическом благосостоянии народа, чистоте воздуха, здоровой пище, твердости знаний, украшении городов и сел, о приятной удобности путешественников, – наконец, печется о бедных и больных. Сия деятельная часть Правительства, – сей, так сказать, неусыпный Аргус его, не присваивая себе уголовного и гражданского суда, исправляет людей легкими наказаниями и спасает порок от преступления (527–566).

Предложив в сем «Наказе» самую лучшую основу для политического образования России, Екатерина заключает его священными, премудрыми мыслями, которые, подобно фarosу, в течение времен должны остерегать все Монархии от политического кораблекрушения. Сograждане! Да обновится внимание ваше: Ее глас вечной Судьбы, открывающей нам причину государственных бедствий!

«Империя близка к своему падению, как скоро повреждаются ее начальные основания; как скоро изменяется дух Правления, и вместо равенства законов, которые составляют душу его, люди захотят личного равенства, несогласного с духом законного повиновения;

как скоро перестанут чтить Государя, начальников, старцев, родителей. Тогда государственные правила называются жестокостию, уставы – принуждением, уважение – страхом. Прежде имение частных людей составляло народные сокровища; но в то время сокровище народное бывает наследием частных людей, и любовь к отечеству исчезает (502–506). – Что истребило наши две славные Династии, говорит один Китайский Писатель: то, что они, не довольствуясь главным надзиранием, единственно приличным Государю, хотели управлять всем непосредственно и присвоили себе дела, которые должны быть судимы разными государственными Правительствами. Самодержавство разрушается, когда Государи думают, что им надобно изъяслять власть свою не следованием порядку вещей, а переменою оного, и когда они собственные мечты уважают более законов (510–511). – Самое вышнее искусство Монарха состоит в том, чтобы знать, в каких случаях должно ему употребить власть свою: ибо благополучие Самодержавия есть отчасти кроткое и снисходительное правление. Надобно,

чтобы Государь только ободрял и чтобы одни законы угрожали (513–515). Несчастливо то государство, в котором никто не дерзает представить своего опасения в рассуждении будущего, не дерзает свободно объявить своего мнения (517). – Все сие не может понравиться ласкателям, которые беспрестанно твердят земным Владыкам, что народы для них существуют. Но Мы думаем, и за славу Себе вменяем сказать, что Мы живем для Нашего народа. Сохрани Боже, чтобы, по совершении сего законодательства, какой-нибудь народ на земле был счастливее Российского! Тогда не исполнилось бы намерение наших законов – несчастье, до которого Я дожить не желаю!» (520).

Я верю своему сердцу: ваше, конечно, то же чувствует... Сограждане! Сердце мое трепещет от восторга: удивление и благодарность производят его. Я лобызая Державную руку, которая, под божественным вдохновением души, начертала сии священные строки! Какой Монарх на троне дерзнул – так, дерзнул объявить своему народу, что слава и власть Венценосца должны быть подчинены благу

народному; что не подданные существуют для Монархов, но Монархи для подданных? Мы удивляемся Философу, который проповедует Царям их должности; но можно ли сравнить его смелость с великодушием самодержавной Екатерины, Которая, утверждая престол на благодарности подданных, торжественно признает Себя обязанною заслуживать власть Свою? Ядовитая лесть, которая вьется и шипит вокруг Государей, могла ли уязвить такое геройское сердце? Нет! Гнусный гад, пресмыкаясь во прахе, не ужалит орла, под небесами парящего!.. И сие великое движение пылкой души, сии в восторге произнесенные слова: «Сохрани Боже, чтобы какой-нибудь народ был счастливее Российского!» – не суть ли изливание и торжество страстной добродетели, которая, избрав себе предмет в мире, стремится к нему с пламенною ревностью, и самую жизнь в рассуждении его ни за что считает? Так, Екатерина преломила бы скипетр Царский, свергла бы венец с главы Своей, возненавидела бы власть Свою, если бы они не служили Ей средством осчастливить Россиян!

Ее «Наказ» долженствовал быть для Депутатов Ариадниною нитью в лабиринфе государственного законодательства; но он, открывая им путь, означая все важнейшее на сем пути, содержит в своих мудрых правилах и душу главных уставов, политических и гражданских, подобно как зерно заключает в себе вид и плод растения.

Уже Депутаты Российские сообщали друг другу свои мысли о предметах общего Уложения, и жезл Маршала гремел в торжественных их собраниях. Екатерина невидимо внимала каждому слову, и Россия была в ожидании... Но Турецкая война воспылала, и Монархиня обратила Свое внимание на внешнюю безопасность государства.

Сограждане! Принесем жертву искренности и правде; скажем что Великая не нашла, может быть, в умах той зрелости, тех различных сведений, которые нужны для законодательства. Да не оскорбится тем справедливая гордость народа Российского! Давно ли еще сияет для нас просвещение Европы? И мудрость Ликургов была ли когда-нибудь общею? Не всегда ли великое искусство государствен-

ного образования считалось небесным вдохновением, известным только некоторым избранным Душам? Оставляя суеверные предания древности о Нимфах Эгериях, можем согласиться, что Нумы всех веков имели нужду в чрезвычайных откровениях Гения. Сколько мудрости потребно Законодателю? Сколько трудно знать человеческое сердце, предвидеть все возможные действия страстей, обратить к добру их бурное стремление или остановить твердыми оплотами, согласить частную пользу с общею; наконец – после высочайших умозрений, в которых дух человеческий, как древле Моисей на горе Синайской, с невидимым Божеством общается, – спуститься в обыкновенную сферу людей и тончайшую Метафизику преобразить в устав гражданский, понятный для всякого!

Но собрание Депутатов было полезно: ибо мысли их открыли Монархине источник разных злоупотреблений в государстве. Прославив благодетельную волю Свою, почтив народ доверенностию, убедив его таким опытом в Ее благотворных намерениях, Она решилась Сама быть Законодательницею России.

Едва умолкли громы войны, в самый первый год счастливого мира Екатерина обнародовала новое «Учреждение для Губерний», которое составляет вторую важную эпоху в Её правлении и которое, мало-помалу, удивительным образом пременяло Россию как в умах, так и во нравах.

Государства, подобно человеку, имеют разные нравственные возрасты: мудрый Законодатель следует взором своим за их изменениями, и от времени до времени обновляет систему свою, прибавляя или иначе располагая части ее. Что в века Петра Великого было достаточно для скорого производства дел, то во дни Екатерины уже не отвечало новым потребностям Россиянина. Сograждане! Опыт и размышление открывают нам сию любопытную истину: «Что быстрые шаги человека к Философии и к гражданскому совершенству *до некоторого отдаления* бывают самые беспокойные». Разум, помраченный невежеством, есть тихое, заросшее травой бласто, которого сонные воды не знают никакого бурного волнения; но первые лучи Философии, пробуждая мысленную силу, рождают сомне-

ние за сомнением, которые волнуют душу в Океане неизвестности: время заблуждений и дерзких систем! Но вихрь, наконец, утихает, и разум, обогащенный идеями, находит для себя счастливую пристань, где тишина и мирные наслаждения ожидают его. Так и в гражданских обществах. Легко Законодателю управлять народом грубым и полудиким, которого нужды, понятия и страсти малочисленны; которого душа недеятельна и разум дремлет. Тогда новый гражданин в случае обиды скорее прибегает к человеческой управе, нежели к гражданской; тогда бывает более ссор, нежели дел тяжбных. Но когда гражданин, так сказать, *осмотрится* в политическом обществе; когда, узнав новые потребности, новые выгоды стяжания, он уже привыкнет к власти законов, *отнимающих* и *дающих*, тогда рождается охота к тяжбам, рождается ябеда, сия *хитрость простых*, которая, беспокоя других, сама себя изнуряет и, стремясь к неправым приобретениям, ведет за собою разорение. Дальнейшие успехи просвещения исцеляют гражданина от сей болезни, открывая каждому пользу справедливости,

честности и мирной жизни; но пока сия счастливая перемена не совершится, Законодатель умножает способы правосудия для скорейшего успокоения невинности и наказания ябедника. Со времен Петра Великого до царствования Екатерины число тяжёбных дел беспрестанно возрастало, и Монархиня должна была установить новые судилища[21]

Но творения великих умов, подобно творениям Природы, не ограничиваются благом единого рода, и новое «Учреждение» Екатерины представляет нам в своем намерении различные пользы для России. Одна из великих мыслей сего «Учреждения» есть ввести в правление все три гражданские состояния, приучить людей к законоведению, утвердить правосудие на собственном их благе. Всякий может быть судьёю для равных ему и должен знать уставы государственные; всякий для своей безопасности избирает достойнейшего, поручая ему некоторым образом жребий свой; всякий, зная тяжбу, знает и судящихся, будучи товарищем их в гражданской жизни; всякий боится употребить во зло общую дове-

ренность, ибо через три года возвратится он в состояние частного гражданина и будет наказан общим презрением, если не исполнит обязанностей чести.

Монархиня повелела – и Россия, дотоль не соразмерная в частях своих, подобно дикому произведению Натуры или слепого случая, прияла вид гармонического размера, подобно творению совершенного Искусства; части сравнялись между собою, и каждая Губерния ограничилась удобнейшим для нее пространством. Монархиня повелела – и глас Ее, как лира Амфионова, творит новые грады, если не великолепием художества, то своею пользою украшенные. Уже земледелец не принужден надолго расставаться с мирными Пенатами, чтобы в отдалении искать защиты от притеснителя, суда на хищного соседа или потребностей для жизни своей. Уже каждое селение означает близость города, где правосудие берет под свою эгиду пастыря и оратая; где торговля удовлетворяет их главным потребностям и где свободно меняются они плодами трудов своих. Благоразумный Политик видит в начальном недостатке сих юных за-

ведений будущие их успехи и богатство. Таконое древо, с трудом пробиваясь сквозь твердые глыбы земли, едва-едва заметно на ее зеленой поверхности; но время возвышает его – и величественный дуб осеняет землю.

Сии округи, заключая в средоточии своем столицу Губернии, которая управляет их политическими действиями, представляет образ различных семейств под начальством единого, главного, и Государев Наместник имел благословенную власть отца[22]. *Ходатай за пользу общую и государственную, заступник утесненных и побудитель безгласных дел, но не судия*, он наблюдал течение правосудия движение весов его и мог остановить беззаконие, относясь или в Сенат, или к Самой Монархине; *пресекал всякого роду злоупотребления, излишнюю роскошь, тиранство и жестокости. Доброхотство и любовь к народу* должныствовали быть его главным свойством[23]. – Монархическое Правление требует такого соединения блюстительных властей в одном человеке, для хранения порядка в разных уделах государства – и когда Франция вышла из бурного хаоса безначалия

и снова заняла место свое между Европейскими Державами, тогда хитрый властелин ее, наученный опытностию, должен был для лучшего благоустройства установить Префектов, которые суть не что иное, как Наместники Государевы.

Учреждение Губернского Правления было совсем новое и беспримерное в России: место, ограниченное исполнительною властью, без всякой судебной. Монархиня чувствовала, сколь нужно отделить сию власть, чтобы главное Место в Губернии не присвоило себе опасного самовластия; и таким образом, оно не может предписать решения нижним Судам, которые в совершенной свободе действуют по уставам; но требует от них скорости, наказывает пенею нерадивую медленность; и в случае неисправления предаст виновного законам – следственно имеет все способы благотворить обществу, не вмешиваясь в права Судейские.

Прежде в Губернских и градских судилищах соединялись дела всякого роду, и своим множеством, своим разнообразием затрудняли их: Монархиня отличила гражданские от

уголовных, частные от государственных и предписала им особенный путь, как для скорейшего, так и для лучшего производства, ибо единство упражнений научает Судью быстрому соображению обстоятельств и вернейшим способам открывать истину. Два Департамента Магистратов, Верхних Расправ и Земских Судов, Уголовная и Гражданская Палаты образуют две нити правосудия, которые соединяются между собою только в делах смешенных или двояких. Сии Палаты, имея права Коллегий, судят в средоточии Губерний, нет дальних переносов; все нужные объяснения могут быть доставляемы скоро, и медленность, первое зло по неправде, пресекается. — Государственные пользы, вверенные Казенной Палате (которая действует, так сказать, на месте, знает обстоятельства, знает особенные выгоды своей Губернии и не развлекается уже никакими другими предметами), составили лучшую систему хозяйства; Казна обогатилась новыми доходами и вернейшим сбором прежних.

Дворянская Опека и Сиротский Суд, которые, подобно небесному Провидению, пекут-

ся о незащитных младенцах и вдовах; Общественное Призрение, которое благотворит несчастным жертвам бедности и недугов, воспитывает сирых, управляет работными *домами* (где бедный гражданин, лишенный всего, кроме сил, трудами своими живет и другим пользу приносит), местами наказания или, лучше сказать, исправления гражданских пороков; и наконец, Совестьный Суд, который есть *человеколюбие правосудия* (божественная и беспримерная мысль в законодательстве!), останутся в России вечным памятником того, что некогда Добродетель в лице Монархини управляла ею.

Политическое и нравственное действие такого нового, всеобъемлющего Учреждения должно было скоро означиться в государстве.

Многочисленное Российское Дворянство со времен Петра Великого служило мечом отечеству до изнеможения сил своих; тогда под знаменами воинскими, в шумных станах, среди опасностей и сражений, надлежало искать почтенных сынов России. Великий Император, образуя армию, хотел, чтобы отли-

ченные гражданскими правами отличались ревностью и служили до последней возможности: необходимость сего требовала. Но обстоятельства переменились. Уже Россия могла обойтись без сего принуждения, и Петр III заслужил благодарность Дворянства, оказав доверенность к его свободной патриотической ревности. С того времени провинции и села оживились присутствием многих Благородных, которые могли с честью оставить воинскую службу; они вели спокойную, но праздную и для государства мало полезную жизнь; хозяйство и ловля зверей, которая приятным образом напоминала им воинскую деятельность, были единственным их занятием. Россия, особливо в отдаленных частях своих, представляла картину Феодальных веков Европы, когда всякий владелец казался отделенным от государства составом; и если бы тяжбы, рождаемые грубым корыстолюбием и самую праздностию, не давали иногда чувствовать нашим Дворянам зависимость их от Правления, то они могли бы некоторым образом забыть отношения гражданина к государству. Такое состояние, конечно, не благопри-

ятствовало духу общественности и патриотизма!

Но открытие Наместничеств открыло Дворянам новое поле деятельности, вывело их из произвольного заточения, соединило в общество, более познакомило между собою и возвысило цену доброго мнения о человеке. Прежде любопытные иностранцы находили в России пустые, унылые города, где пять или шесть Судей составляли все общество; но теперь в каждой Губернии находят они цветущую столицу, украшенную новыми зданиями, оживленную присутствием многочисленного Дворянства, которое призывает их к веселиям лучших Европейских городов и своим приятным гостеприимством, ласковою учтивостию доказывает им, что обширные степи и леса не служат в России преградой для успехов светской людкости.

Прежде какая-то грубая восточная пышность отличала богатых Дворян в провинциях – теперь общий вкус в жизни сближает состояния, без роскоши украшает посредственность и самому недостатку дает вид довольства.

Прежде Дворяне наши гордились какою-то, можно сказать, дикою независимостию в своих поместьях – теперь, избирая важные судебные власти и чрез то участвуя в правлении, они гордятся своими великими государственными правами, и благородные сердца их более, нежели когда-нибудь, любят свое отечество.

Прежде человеколюбивый родитель, удаленный от столицы, в сельском уединении не имел средства достойным образом воспитывать своих детей – теперь, в новом порядке вещей, нашел он более возможности образовать ум и сердце их. Пребывание многих дворянских семейств в Губернских городах и старания Правительства способствовали везде заведению благородных училищ.

Сия перемена, столь благоприятная для государственного просвещения, не имела вредного действия и на сельское хозяйство. Великая Законодательница все предвидела, и почти для всех Дворян, избираемых в должность, назначила месяцы отпусков в самое то время, когда сельские работы требуют глаз помещика. Ссылаясь на опыт, спрашиваю: не

процвело ли в наше время и самое земледелие в России? Сие изъясняется двумя причинами: во-первых, открылись новые способы для торговли, всегда имеющей влияние на хлебопашество; во-вторых, Дворяне, чрез взаимное сообщение сведений, узнали лучшие способы земледелия, и старинные предрассуждения (ибо оно также имеет их) уступили место новейшим полезным опытам.

Дерзну ли еще сказать истину? Новое Учреждение пресекло многие злоупотребления господской власти над рабами, поручив их судьбу особенному вниманию Наместника. Сии гнусные, но к утешению доброго сердца малочисленные тираны, которые забывают, что быть господином есть: для истинного Дворянина, быть отцом своих подданных, — не могли уже тиранствовать во мраке; луч мудрого Правительства осветил их дела; страх был для них красноречивее совести, и судьба подвластных земледельцев смягчилась. Но чувствительное и патриотическое сердце желало бы еще найти другую, утешительнейшую причину такой благой перемены — и для чего сверх боязни, не признать

нам в сем случае и спасительного действия лучшей нравственности?

Чрез умножение *Окружных* городов умножилось купечество и процвело чрез многолюдство *Губернских*, которых торжища скоро представили богатое собрание плодов Российской и чужеземной промышленности. Самые нравы торговых людей, от многих и близких сношений с *Дворянством* более просвещенным, утратили прежнюю свою грубость, и богатый купец, видя пред собою образцы в лучшем искусстве жизни, неприметно заимствовал вкус и светскую обходительность.

Земледельцы, сельскою добродетелию от плуга на ступени *Фемидино*го храма возведенные, судьи себе подобных, долженствовали с приобретением таких новых прав возвыситься в духе своем, узнать лучше гражданскую жизнь и законы, служащие ей основанием; должныствовали, возвращаясь под домашний кров свой, быть опытными советниками и миротворцами поселян.

Установлению сельского *Благочиния* обязаны мы безопасностью дорог и уменьшением всякого рода беспорядков. Давно ли еще

путешественник трепетал грозных лесов России? Давно ли внезапный шум листьев ужасал его сердце? Давно ли дикие, уединенные гроты были вертепом разбойников? Но деятельная новая власть проникла в самую непроницаемость древних лесов, в сие отечество злодеев; истребила их тайные убежища и, обнимая всеместность взором своим, препятствует самому зарождению опасных скопищ. Теперь путешественник не страшится ничего в обширных пределах России; теперь, под щитом невидимой власти, беспечно и спокойно углубляется он в самые дикие места, и отечество наше есть для него самая безопаснейшая страна в Европе!

Сограждане! Я означил только главные действия сего «Учреждения» Екатерины, действия уже явные; но еще многие хранятся в урне будущего, или в начале своем менее приметны для наблюдателя. Оно, необходимо просвещая народ, окажется тем благодетельнее в следствиях, чем народ будет просвещеннее.

Но при конце сего начертания взор мой невольно устремляется на всю неизмеримую

Империю, где столько морей и народов волнуется, где столько климатов цветет или свирепствует, где столько необозримых степей расстилается и столько величественных гор бросает тень на землю! Я воображаю сии едва вообразимые пространства со всеми их жителями, и думаю: «Екатерина, подобно Боже-ству, согласила все *словом* Своим; отдаленные берега Ледовитого моря представляют тот же государственный порядок, которому на берегах величественной Волги или Невы удивляемся; народы столь различные правятся единым уставом; части, столь несходные, всеобщим «Учреждением» Монархини приведены в целое, и бесчисленные страны Российские составили разные семейства единого отечества!» Сия мысль восхищает дух мой!

Как искусный художник, сотворив хитрое орудие и приводя его в движение, еще не опускает творческой руки своей, но внимательно наблюдая, прибавляет, чего не достает к совершенству оною – так Великая Екатерина, исполнив мудрое Свое «Учреждение», еще не успокоилась от трудов законодательных, но спешила увенчать их новыми.

«Устав Благочиния»[24] содержит в себе не только все способы внешнего порядка и безопасности, но и самые святейшие правила Гражданского нравоучения, столь любезного добродетельному сердцу Монархини. Так называемое *«Зерцало Благочиния»* есть зеркало всех взаимных гражданских обязанностей, предложенных с тою ясною краткостью, которая должна быть характером законов и которая сколь неплодовита словами, столь мыслями и отношениями богата. Оно дает Полиции священные права Римской Ценсуры; оно предписывает ей не только устрашать злодейство, но и способствовать благонравию народа, питать в сердцах любовь к добру общему, чувство жалости к несчастному – сие первое движение существ нравственных, слабых в уединении и сильных только взаимным между собою вспоможением; оно предписывает ей утверждать мир в семействах, основанный на добродетели супругов, на любви родительской и неограниченном повиновении детей[25] – *ибо мир в семействах есть мир во граде*, по словам древнего Философа. Одним словом – Монархиня превратила

в закон мысли «Наказа» Ее о сем предмете, и никакое другое государство не имеет столь мудрого и совершенного Полицейского Устава.

Начало Дворянства нашего теряется во мраке веков. Благородные Россияне были, конечно, прежде сердцем и душою, нежели именем благородные. Мало-помалу, в течение времен, делами знаменитые роды составили в нашем отечестве первую ограду Трона и особенное состояние под названием Дворянского. Награжденные от Государей поместьями, они имели право умножать их куплею и сверх того занимать первые места как в гражданском, так и в воинском порядке. Петр III даровал им вольность; Екатерина распространила их политические действия; но еще не доставало полного изображения прав Дворянских, утвержденного Монаршею властью и торжественно преданного векам в образе священного монумента.

Екатерина обнародовала «Грамоту Дворянства» [26] где, представляя в блестящей картине все заслуги его, представляет Она и все награды, которыми отечество изъявило

ему свою признательность. Монархиня именем Неба скрепляет святость, вечность и непоколебимость сих преимуществ...

Здесь обращаюсь к вам, мои собратия, благородные сыны России, потомки мужей именитых! И мысленно развертывая перед вами сию государственную хартию, на которой сияют все великие права Дворянства, вопрошаю: чего не достает к совершенству нашего гражданского благоденствия? Каких выгод можем еще желать? Кому завидовать? Мы свободны! Судимы только равными себе! Боимся одних законов! Имеем голос в Империи, и Монарх внимает ему! Наша собственность неотъемлема; достоинство родов и право наследства сохранены, но мы по воле располагаем приобретениями. Земля, которою владеем, для нас отверзает недра свои и тайные сокровища; для нас текут воды в ее пространстве! И если некоторые особенные склонности влекут нас в климаты чуждые; если полезное любопытство наше требует себе новой пищи; если кроткое небо южной Европы обещает нам лучшее здравие – мы свободны! Дворянин Российский есть гражданин вселенной; нет

преграды для путей его. Но и там, в странах отдаленных, отечество не престаёт нам благодетельствовать; и там мы наслаждаемся плодами нашей собственности, в недрах его оставленной; оттуда располагаем ею, и вне России живём Россиею. Но если полная мера политического благоденствия есть наша доля, то будем же признательны и не забудем, что великие отличия приносят с собою и великие должности; что Благородный есть ли и человек добродетельный или поношение своего рода; что быть полезным есть первая наша обязанность; и что истинный Российский Дворянин не только посвящает жизнь отечеству, но готов и смертью доказать беспредельную любовь свою к его благу!

Екатерина, возобновив или умножив права наши, в то же время обнародовала и *«Городовое Положение»*, которое навеки утвердило *Среднее состояние* в России, определив сферу действий его и назначив в ней разные степени, увенчанные, наконец, титулом Именитого Гражданина, который имеет уже часть Дворянских преимуществ и даёт внуку своему право требовать сего достоинства. Каждая но-

вая степень приносит с собою новые выгоды для общежития, открывает вблизи еще важнейшие, возбуждает ревность к трудам, ревность к дальнейшим успехам и, питая честолюбие, способствует государственному благу. Монархиня знала человеческое сердце и тайну гражданских обществ; знала, что самые легкие отличия производят дела важные; знала, что все государственные степени, возвышаясь одна перед другою, должны иметь некоторую связь; и таким образом, Дворянин уже подает руку Именитому Гражданину, который, переходя, наконец, в сан Благородных, оставляет за собою лестницу для других, ему подобных. Если иностранные Писатели доныне говорят, что в России нет *Среднего состояния*, то пожалеем об их дерзком невежестве, но скажем, что Екатерина даровала сему важному состоянию истинную политическую жизнь и цену: что все прежние его установления были недостаточны, нетверды и не образовали полной системы; что Она первая обратила его в государственное достоинство, которое основано на *трудолюбии* и *добрых нравах* и которое может быть утрачено пороками[27]

; что Она первая поставила на его главную степень цвет ума и талантов – мужей, просвещенных науками, украшенных изящными дарованиями[28]; и чрез то утвердила законом, что государство, уважая общественную пользу трудолюбием снисканных богатств, равномерно уважает и личные таланты, и признает их нужными для своего благоденствия.

Таким образом Монархиня производила в действо великие мысли Своего «Наказа»; таким образом Ее собственная мудрая рука постепенно образовала полную государственную систему Монархической России, согласную с истинным счастьем человека; следовательно, несогласную с печальным именем *раба*, которым прежде гражданин назывался в отечестве нашем и которое навсегда уничтожилось Екатериною[29]. Глубокомысленный Политик и Философ видит пред собою величественное, огромное здание, которое всякою честью удивляет разум, свидетельствует мудрость зодчего и должно повелевать веками. Если Великая не совершила его... пожалеем о кратком веке смертного! Когда бы Мо-

нархи были только Законодателями, то Екатерина, без сомнения, успела бы образовать Россию совершенно; но труды их столь бесчисленны, столь разнообразны, что ум обыкновенный теряется в сей необозримости. Внешняя Политика, внутреннее правление, трудное и на многие предметы обращенное правосудие, занимая всю душу, истощают ее деятельность, которая, укрываясь в частях своих от глаз Историка, не менее нужна и спасительна для государств и которая, подобно тонким, едва заметным нитям ручейка, мало-помалу образующим светлую реку, обращает на себя внимание наблюдателя только чрез большое пространство времени, представляя картину народного счастья, удовольствия и порядка[30].

Часть третья

Монархиня давала законы: Мать подданных благотворила полезными учреждениями.

Сограждане! Сей огромный Дом, который украшает древнюю столицу Российскую, величественно осеняя руку ее, – сей Дом, предмет удивления Европы, всех любопытных чужеземцев, всех друзей человечества – есть храм, посвященный Екатериною Милосердию! Там несчастные младенцы, жертвы бедности или стыда – не радость, но ужас родителей в первую минуту бытия своего; отвергаемые миром при самом их вступлении в мир; невинные, но жестоко наказываемые Судьбою, – приемлются во святилище добродетели, спасаются от бури, которая сокрушила бы их на первом дыхании жизни; спасаются и – что еще более – спасают, может быть, родителей от адского злодеяния, к несчастию, не беспримерного! Находят человеколюбивое признание: не только кров и пищу, но и все лучшие, мудрую благостию вымышленные способы укреплять их здоровье, образовать душу,

предупреждать физическое и нравственное зло. Там всегдашние, трогательные попечения небесной благодетельности не уступают самым нежнейшим родительским попечениям и, осыпая цветами колыбель младенцев, скрывают от сирот несчастье сиротства; там кроткая улыбка добродушной надзирательницы заменяет для юных сердец счастливую улыбку матери; там благоразумный надзиратель заступает место отца и, приучая их к трудолюбию, к порядку, готовит в них отечеству полезных граждан. Искусные в художествах и ремеслах, которые делают человека независимым властелином жизни своей, сии питомцы Монаршей щедрости выходят в свет, и последний дар, ими из рук ее приемлемый, — есть гражданская свобода. Они выходят, обогащенные средствами устроить себе приятную долю в обществе, которое ждет их с нетерпением и, так сказать, рассыпает пред ними свои жребии; они избирают — и сей, некогда отверженный младенец, спасенный Монаршим провидением от верной гибели, есть теперь надежный помощник Именитого Гражданина в делах торговых, или пример

искусного ремесленника, или исправный писмоводитель в доме Вельможи. Трудолюбивый мещанин среди воспитанниц Сиротского Дома находит себе подругу, наученную всем женским работам и правилам хозяйства.

Да, скажут те, которые путешествовали в странах чуждых и везде искали знаков человеколюбивого Правления, – да, скажут они, где представлялось взору их нечто подобное Сиротскому Дому Екатерины? Какое другое благотворительное заведение может равняться с ним обширностью плана, богатым основанием, порядком, а всего более успехом и пользою? Какое другое заведение приобрело столько общей доверенности, чтобы частные люди поверяли ему драгоценную собственность охотнее, нежели первым богачам в Империи и, таким образом, на цветущем его состоянии утверждали свой достаток?

Сим великим учреждением Монархиня открыла истинному человеколюбию и патриотизму самый лучший способ действия. Если вы, любимые сыны счастья, хотите доказать Провидению свою признательность за дары Его; если чувствительное сердце ваше имеет

нужду излиться в благотворениях, то не на стогнах ищите предмета для оных – там нередко вредная праздность одевается рубищем бедности, чтобы обмануть жалость и сострадание; но спешите в сей храм добродетели, принести ей чистые жертвы уделением вашего избытка, ибо Екатерина позволила вам благотворить вместе с Нею; там каждый дар ваш процветет и украсится сторичным плодом для святой пользы человечества.

Монархиня, уверенная, что благонравие нежного пола в высшем состоянии имеет сильное влияние на государственное благонравие, основала, под собственным Ее надзиранием, Дом воспитания для двухсот благородных девиц, чтобы сделать их образцом женских достоинств. Устав сей и целию, и средствами своими заслужил искреннюю похвалу, искреннее удивление первых умов в Европе. Там любовь и кротость должны ласкою образовать юное сердце для всех женских добродетелей; там чувствительность и нежность, обращенные в приятную науку, расцветают в душе от примеров и наставлений. Нравственность есть главный предмет;

но и разум обогащается всеми знаниями, всеми идеями, нужными для того любезного существа, которое должно быть прелестию света, сокровищем супруга и первым наставником детей. Приятные женские рукоделья, которые украшают жизнь хозяйки, искусства Граций, которые милую природу и совершенства ее делают еще милее, входят также в систему воспитания. Екатерина любила посещать сей прекрасный цветник, Ею насаженный; любила смотреть на веселых питомиц, которые, оставляя игры свои, спешили к Ней навстречу, окружали Ее радостными, шумными толпами, целовали Ее руки, одежду; единогласно называли матерью и своею беспечною резвостью в присутствии Монархини доказывали, что они только любили, а не боялись Ее! Она знала имена, самые характеры их; награждала добрые успехи Своим благоволением, ласковыми взорами и похвалами; одним словом, Она казалась истинной матерью сего многочисленного, цветущего семейства. Всякий приезд Ее был счастливым торжеством для всего Дома. Доставляя юным девицам невинные забавы, Монархиня желала,

чтобы они представляли иногда нравоучительные Драмы; славный Расин писал для Сен Сира: еще славнейший Гений Фернейский[31] хотел пером своим способствовать полезным удовольствиям воспитанниц Екатерины, Которая, занимая величием Своим театр мира, с веселием занималась театром любезного детства – и минуты, проведенные Ею в Воскресенском монастыре, были, конечно, не потерянными для счастья минутами Ее царствования. Она предчувствовала мирное благополучие семейств, которое должно было быть плодом сего учреждения – и не обманулась. Какое-то невинное добродушие, искренность, благонравие, сверх знаний и талантов, бывают особенным характером Монастырских воспитанниц. Монархиня основала также и для мещанского состояния училище, которого питомцы приготавливаются быть хорошими, добронравными хозяйками, искусными в рукодельях и на всю жизнь остаются под особенною защитою Опекунского Совета [32].

Академия Художеств существовала в России едва ли не одним именем; Екатерина да-

ривала ей истинное бытие, законы и права, взяв ее под личное Свое покровительство, в совершенной независимости от всех других властей; основала при ней воспитательное училище, ободряла таланты юных художников; посылала их в отчизну Искусства, вникать в красоты его среди величественных остатков древности, там, где самый воздух вливает, кажется, в грудь *чувство изящного*, ибо оно есть чувство народное; где Рафаэль, ученик древних, превзошел своих учителей, и где Микель Анджело один сравнялся с ними во всех Искусствах. Там питомцы Российского Художества обогащались мыслями, и кисть и резец свой образовали по великим творениям Гения. Сказав: *и мы, и мы художники!* они творили – и первые в Европе Академии хотели иметь их своими Членами. С того времени похвальный вкус к художествам распространился в России; с того времени столицы наши гордятся великолепными зданиями собственных Архитекторов; красоты живописи и ваяния расцвели в нашем климате, и Россиянин, не выезжав из отечества, может говорить об Искусстве. Права, данные Академии, служат

величайшею почестию, какую только Государь может оказать дарованиям: всякий ее питомец есть навеки свободный человек со всем его родом, подсудим ей одной или, по крайней мере, без ее ведения не судится другою властью; волен жить независимо своим талантом, волен избрать всякую службу, но ни какой не принуждается. Сим важным правом Екатерина почтила в России и художества, и свободу!

Кадетский Корпус, учрежденный Императрицею Анною, производил хороших Офицеров и даже Военачальников; ко славе его должно вспомнить, что Румянцев был в нем воспитан. Но сие учреждение клонилось уже к своему падению, когда Екатерина обратила на оное творческий взор Свой – умножила число питомцев, надзирателей; предписала новые для них законы, сообразные с человеколюбием, достойные Ее мудрости и времени. Военная строгость, которая доходила там нередко до самой крайности, обратилась в прилежное, но кроткое надзирание, и юные сердца, прежде ожесточаемые грозными наказаниями, исправлялись от легких пороков

гласом убедительного наставления. Прежде Немецкий язык, Математика и Военное Искусство были почти единственным предметом науки их: Екатерина прибавила как другие языки (особливож совершенное знание Российского), так и все необходимые для государственного просвещения науки, которые, смягчая сердце, умножая понятия человека, нужны и для самого благовоспитанного Офицера: ибо мы живем уже не в те мрачные, варварские времена, когда от воина требовалось только искусство убивать людей; когда вид свирепый, голос грозный и дикая наружность считались некоторою принадлежностью сего состояния. Уже давно первые Европейские Державы славятся такими Офицерами, которые служат единственно из благородного честолюбия, любят победу, а не кровопролитие; повелевают, а не тиранствуют; храбры в огне сражения и приятны в обществе; полезны отечеству шпагою, но могут быть ему полезны и умом своим. Таких хотела иметь Монархиня, и Корпус сделался их училищем. Привыкая ко всем воинским упражнениям, они в то же самое время слу-

шают и нравоучение, которое доказывает им необходимость гражданского порядка и законов; исполняя справедливую волю благоразумных Начальников, сами приобретают нужные для доброго Начальника свойства, переводя Записки Юлия Цесаря, Монтекукулли или Фридриха, переводят они и лучшие места из Расиновых трагедий, которые раскрывают в душе чувствительность; читая Историю войны, читают Историю и государств и человека; восхищаясь славою Тюрена, восхищаются и добродетелию Сократа; привыкают к грому страшных орудий смерти и пленяются гармониею нежнейшего Искусства; узнают и быстрые воинские марши, и живописную игру телодвижений, которая, выражая действие музыки, образует приятную наружность человека. Простая, здравая пища, мера трудов и отдыха; разделение часов на разные упражнения, соответственные каждому особенному возрасту, были предписаны Екатериною по лучшей физической и нравственной системе воспитания не Афинского, не Спартанского, но самого пристойнейшего для юного Российского Дворянства в веки Европей-

ского просвещения. Питомцы выходят исправными, знающими Офицерами, способными и для гражданских должностей, приятными людьми для света, с характером и с правилами, имеющими счастливое влияние на всю жизнь их.

Екатерина с прискорбием видела, что образование благородных детей в России поручается родителями иностранцам, которые всего менее к тому способны, не зная наших нравов, духа народного, и которые, не имея к отечеству нашему сыновней любви, не могут вселять ее и в юных учеников своих. Она повелела воспитывать вместе с Кадетами и несколько мещанских детей, желая, чтобы они могли со временем посвятить себя званию учителей и заменить иностранцев. Уже многие и из них, исполняя намерение Монархини, в сей почтенной должности заслужили благодарность родителей и самого отечества.

Здесь справедливая народная признательность требует наименовать того мужа, которого главною страстию было способствовать успехам воспитания в России и который слу-

жил Екатерине первым орудием для исполнения Ее благотворных в сем великом деле намерений. Бецкий жил и дышал добродетелию, не блестящею и не громкою, которая изумляет людей, но тихою и медленно награждаемою общим уважением; редкою; ибо люди стремятся более к блестящему, нежели к основательному; и мужественною, ибо она не страшится никаких трудов. Он довольствовался славою быть помощником Екатерины, радовался своими трудами и, будучи строгим наблюдателем порядка, беспрестанно взыскивая и требуя, сей друг человечества умел заслужить любовь и надзирателей, и питомцев – ибо требовал только должного и справедливого. Герой, искусный Министр, мудрый Судия – есть, конечно, украшение и честь государства; но благодетель юности не менее их достоин жить в памяти благодарных граждан.

Корпусы Морской и Артиллерийский[33] обязаны Екатерине нынешним своим цветущим состоянием. Первый образовал многих искусных Офицеров, которых и самые гордые Англичане уважают. Чтобы сообщить луч-

шим питомцам его совершенную опытность, знание морей и всех чрезвычайных феноменов сей величественной стихии, Монархиня посылала их в отдаленности Океана, в другие части мира, и молодые Офицеры Российские имели славу повелевать старыми мореходцами Альбиона[34]. Корпус Артиллерийский производит лучших Инженеров для наших армий.

Греческое Училище, основанное для юных потомков древнейшей Республики, которых отцы вечное изгнание предпочли вечному страху и рабству под железным скипетром Оттоманским, было также памятником Екатеринойной благодетельности. Те, которые в несчастном отечестве своем не узнали бы, может быть, никогда славной его Истории, великих имен ее и самого древнего языка их, научались во глубине Севера гордиться своим происхождением. Во граде Святого Петра воскресали для них священные тени Героев и мудрецов Греческих; во граде Святого Петра юные сердца их бились при имени Термопил и Маратона; во граде Святого Петра они беседовали с Платоном и Ксенофонтом; вообра-

жая древнюю славу Греции, стремились душою к святым местам ее; воображая настоящее унижение страны их, радовались пребыванию своему в стране великих дел и Героев. Они не чужды в России – они *дома* – в отечестве славы![35]

Таким образом, Монархиня благотворила юности и человечеству в своей Империи, ведая, что самые мудрые законы без добрых нравов не сделают государства счастливым и что нравы должны быть впечатлеваемы на заре жизни. Учреждая общественное воспитание и полагая святую нравственность главным его основанием, Она торжественно объявила всем родителям Свое желание, чтобы они в самом домашнем воспитании сообразовались с правилами, Ею обнародованными [36]. Одна истинная Мать народа, повторяю, могла иметь столько попечения о благе детей в государстве.

Мать народа... конечно!.. Сердцу моему приятно напомнить вам, о сограждане, еще трогательное доказательство сих нежных чувств Екатерины. Она с самого Своего вступления на престол пеклась о физическом бла-

госостоянии России; установила Медицинскую Коллегию, и предписала ей[37] не только снабдить государство искусными врачами, но и собирать все местные сведения о болезнях народных, об их причинах; искать лекарств простейших на всякую болезнь, особливо для земледельцев; исследовать врачебную силу трав Российских, и всякое полезное открытие немедленно обнародывать для общего блага. Сего не довольно: ужасный, неизъяснимый яд в крови, с которым почти рождаются младенцы, обнаруживаясь в своей жестокости, похищал в России едва ли не большую часть детей и на самых спасенных роком оставлял страшные знаки своей свирепости и безобразия. Уже известно было в Европе средство избавления; но Россия не пользовалась сим благодетельным открытием, страшась новости, не изведанной очевидным опытом. Что одна мать может сделать для своего обожаемого младенца, то Екатерина сделала для своих подданных: Она привила Себе оспу!.. День незабвенный для родителей, обязанных ему спасением детей и милою их красотою! Благодарная Россия по справедливости

вости его торжествовала – и чувствительный отец семейства никогда торжествовать не перестанет. Он украсит розами детей своих и поведет их в священный храм молить за Екатерину. Она собственным опытом заставила нас прибегнуть к счастливому средству, и с того времени мы не боимся ужаснейшей эпохи в физическом бытии нашем.

Еще Монархиня не ограничила системы государственного просвещения заведенными Ею воспитательными обществами как для Благородного, так и для мещанского состояния. Лучи солнца теряют силу свою в неизмеримых пространствах; столица, от некоторых частей Империи столь отдаленная, едва ли могла на них действовать. Екатерина учредила везде – в малейших городах, и в глубине Сибири – *Народные училища*, чтобы разлить, так сказать, богатство света по всему государству. Особенная Комиссия, из знающих людей составленная, должна была устроить их, предписать способы учения, издавать полезные для них книги, содержащие в себе главные, нужнейшие человеку сведения, которые возбуждают охоту к дальнейшим успе-

хам, служат ему ступению к высшим знаниям и сами собою уже достаточны для гражданской жизни народа, выходящего из мрака невежества. Сии школы, образуя учеников, могут образовать и самых учителей, и таким образом быть всегдашним и время от времени яснейшим источником просвещения. Они могут – и должны быть полезнее всех Академий в мире, действуя на первые элементы народа; и смиренный учитель, который детям бедности и трудолюбия изъясняет буквы, арифметические числа и рассказывает в простых словах любопытные случаи Истории, или, развертывая нравственный катехизис, доказывает, сколь нужно и выгодно человеку быть добрым, в глазах Философа почтен не менее Метафизика, которого глубокомыслие и тонкоумие самым Ученым едва вразумительно; или мудрого Натуралиста, Физиолога, Астронома, занимающих своею наукою только некоторую часть людей. Если в городах, едва возникающих, в сем новом творении Екатерины еще не представлялось глазам ни палат огромных, ни храмов великолепных, то в замену сих, иногда обманчивых свидетельств

народного богатства, взор Патриота читал на смиренных домиках любезную надпись: «*Народное Училище*» — и сердце его радовалось. Кто благоговел пред Монархиней среди Ее пышной столицы и блестящих монументов славного царствования, тот любил и восхвалял Просветительницу отечества, видя и слыша в стенах мирной хижины юного ученика градской школы, окруженного внимающим ему семейством и с благородною гордостью толкующего своим родителям некоторые простые, но любопытные истины, сведанные им в тот день от своего учителя.

Словесность, сей главный орган Гения и чувствительности; сия, можно сказать, посланница Неба, которая разносит из страны в страну великие и полезные идеи, соединяет умы и сердца, производит и питает нежную потребность души: заниматься изящными мыслями, наслаждаться творением стройного воображения, изливанием сердца — Словесность была предметом особенного благоволения и покровительства Екатерины, ибо Она знала ее сильное влияние на образование народа и счастье жизни. Всякое истинное даро-

вание было правом на лестное отличие – и славная Россияда в Ее время украсила нашу Поэзию. Державин в Русских стихах оживил Горация и представил новые сильные черты пиитической живописи. Богданович своими цветами осыпал Лафонтену сказку и в легком слогe играл воображением. Многие другие Стихотворцы явились – и Екатерина, дерзну сказать, была для них Музою, душа их пылала Ее славою, и хваля Премудрую, они не боялись казаться льстецами! Сама Она, великими делами обремененная Монархиня, в редкие часы досуга любила пером Своим способствовать успехам нашей Словесности. Европе известно, что Екатерина, плывя по величественной Волге, в то самое время, когда сильная буря устрашала всех бывших с Нею, спокойно переводила «Велисария», к бессмертной славе Мармонтеля! Она указывала Русским Авторам новые предметы, вредные пороки общества, которые должны осмеивать Талии; черты характера народного, которые требуют кисти таланта; писала для юных Отраслей Августейшего Дому Своего нравоучительные повести; но всего более, чувствуя

важность отечественной Истории (и предчувствуя, что сия История должна некогда украситься и возвеличиться Ею!), занималась Российскими летописями, изъясняла их, соединяя предложение действий с философскими мыслями, и драгоценные труды Свои для Публики издавала. Желая присвоить России лучшие творения древней и новой чужестранной Литературы, Она учредила Комиссию для переводов, определила награду для трудящихся – и скоро почти все славнейшие в мире Авторы вышли на языке нашем, обогатили его новыми выражениями, оборотами, а ум Россиян новыми понятиями. Чтобы утвердить Русский язык на правилах и привести в систему, Монархиня основала Академию Словесности, по примеру Французской, и мы обязаны сему трудолюбивому обществу Полным Российским Словарем, нужным для всякого и необходимым для Авторов. Царствование Елисаветы произвело Ломоносова и Сумарокова: первый смело парил за орлом Пиндаровым и бросал на бумагу сильные, бессмертные строфы: второй имел славу написать несколько нежных и остроумных стихов. Но

сии два Поэта не образовали еще нашего слога: во время Екатерины Россияне начали выражать свои мысли ясно для ума, приятно для слуха, и вкус сделался общим, ибо Монархиня Сама имела его и любила нашу Словесность, и если Она Своими ободрениями не произвела еще более талантов, виною тому независимость Гения, который один не повинуется даже и Монархам, дик в своем величии, упрям в своих явлениях, и часто самые неблагоприятные для себя времена предпочитает блестящему веку, когда мудрые Цари с любовью призывают его для торжества и славы.

Не довольствуясь тем, чтобы покровительствовать науки и таланты в России, Она на все страны мира, на всю область ума распространила Свои благодеяния и славу Свою возвышала, так сказать, славою всех отменных дарований, Ею ободряемых. Философы гордились благосклонным воззрением Екатерины и горели ревностию величать Ту, которая воцарила с собою Философию и тайные желания мудрого человеколюбия обратила в государственные уставы. Вольтер жалел, что старость не позволяла ему видеть «Северную Вла-

дычищу сердце». Пылкий Дидерот спешил лично изъявить Ей свое удивление, Плиний Франции с восторгом говорил, что одобрительное слово Екатерины ему драгоценнее похвал Академических[38]. Даламбер славился Ее милостию более, нежели именем глубокомысленного Математика. Европа с удивлением читает Ее переписку с ними – и не им, но Ей удивляется. Какое богатство мыслей и знаний! Какое проницание! Какая тонкость разума, чувства и выражений! Та, Которая истощила своим царствованием все похвалы мира, умела с неподражаемою приятностию хвалить цветы Словесности, игру остроумия, тонкую черту сердца. Сколь трогательно такое снисхождение в Монархине! Но *унижается* ли Монарх, когда он сходит иногда с высокого трона, становится наряду с людьми, и будучи любимцем Судьбы, платит дань уважения любимцам Природы, отличным дарованиям? Власть разума не может ли еще служить некоторою опорой для политической власти? По крайней мере, она может быть ее орудием во всем, что касается до блага человечества. Так думали Август, Людовик XIV,

Фридрих и Петр Великий, Который, приходя к Боргаву, к Лейбницу, говорил: я с вами *человек*)[39] Так думала и Великая Екатерина.

В Ее царствование Российская Академия Наук еще более приобрела знаменитых Членов и сделалась несравненно полезнее для отечества, во-первых, «*Ежемесячными сочинениями*», которые, будучи магазином исторических и других любопытных сведений, распространяли их в государстве; во-вторых, путешествиями ее Профессоров по всем обширным странам России – намерение великое, достойное Екатерины! Исполнение, достойное намерения! Эпоха, важная в ученой Истории нашего государства и целого мира! Сии избранные мужи должны были от берегов Невы до гор Рефейских, до морей Азовского, Каспийского и далее, видеть и описать Россию в трех царствах Природы, проникнуть во внутренность пустынь, во глубину пещер и лесов дремучих, где око наблюдателя еще никогда не примечало за творческою Натурою, где она искони действовала уединенно или пред свидетелями невнимательными; исчислить минералы в недрах земли, растения на

зеленых коврах ее, животных в трех стихиях и, таким образом, собрать богатства для Российской Естественной Истории. Сим предметом еще не ограничились труды их: Монархия желала, чтобы они исследовали все исторические монументы в нашей Империи; замечали следы народов, которые от стран Азии преходили Россию, сами исчезли, но оставили знаки своего течения, подобно рекам иссохшим; желала, чтобы они в развалинах, среди остатков древности, как бы забытых времен, искали откровений прошедшего; чтобы они в нынешних многочисленных народах Российских узнавали их неизвестных предков, разбирая языки, происхождение и смесь оных; чтобы они, наблюдая обычаи, нравы, понятия сих людей, сообщили Историкку и Моралисту новые сведения, а Законодателю новые средства благодеяния. – Повеления были исполнены, и не только Россия, но и Европа; не только Ученые, но и все любопытные читают с удовольствием и пользою описание сих путешествий.

Московский Университет под начальством Шувалова (который всегда будет знаменит

титлом основателя его и Ломоносова Мецената) во время Екатерины более, нежели прежде, благотворил обществу, ибо щедрость Ее даровала ему более способов действия. Многие Ученые были им призваны из Германии участвовать в трудах его, наставляя юношество, питать в нем охоту к наукам и воспалять благородное соревнование в Российских Профессорах. Но всего более оживляла Московский Университет известная всем любовь Екатерины к наукам, побуждая родителей учить детей своих. Число юных питомцев его с каждым годом умножалось, а с числом их возрастала благодетельность сего храма просвещения. И если мы видим ныне столь многих достойных судей в столицах и в самых отдаленных Губерниях; если слог приказный уже не всегда устрашает нас своим варварством; если необходимые правила Логики и языка соблюдаются нередко в определенных судилищах; если Министерство находит всегда довольно юношей, способных быть его орудиями и служить отечеству во всех частях своими знаниями – то государство обязано сею пользою Московскому Университету;

Университет же обязан сею великою славою Екатерине и духу Ее царствования.

Чтобы еще более размножить народные сведения чрез книги, Она дозволила заведение вольных Типографий, учредив благоразумную Цензуру, необходимую в гражданских обществах: ибо разум может уклоняться от истины, подобно как сердце от добродетели, и неограниченная свобода писать столь же безрассудна, как неограниченная свобода действовать. Но как мудрый Законодатель, избегая самой тени произвольного тиранства, запрещает только явное зло, и многие сердечные слабости предает единому наказанию общего суда или мнения, так Монархиня запрещению Цензуры подвергла только явный разврат в важнейших для гражданского благоденствия предметах, оставляя здравому разуму граждан отличать истины от заблуждений; то есть Она сделала ее не только благоразумною, но и снисходительною, и сею доверенностию к общему суду приобрела новое право на благодарность народную.

И так чудно ли, что Россия, в 34 года деятельного царствования, которого главною це-

лию было народное просвещение, столь преобразилась, возвысилась духом, созрела умом, что отцы наши, если бы они теперь воскресли, не узнали бы России? Если сердце Государей в руке Провидения, то сердца народов в руке Государей – что могло устоять против неутомимого в благотворениях Правительства, которое действовало на подданных и славою внешних успехов, и мудрыми законами, и воспитанием, и всеми средствами просвещения? Что могло не покориться всемогущей и благой воле, пылавшей тою огненною ревностью, которая бывает главным свойством великих душ, истинных подобий Божества? Екатерина, возведенная Самим Небом на трон едва не беспредельной в мире Империи, не ужаснулась беспредельных Своих обязанностей, священных для добродетели; но почувствовала вдохновение геройского сердца, которому все возможным кажется, ибо сам Бог помогает ему. Чувство каждой должности рождало в Ней стремление и силу исполнить ее – и Россия, Ей некогда чуждая, став театром Ее добродетелей, сделалась для Екатерины истинным отечеством, нежно лю-

бимым, ибо отечество для душ великих есть та страна, где они могут действовать; их ближние – суть те люди, которых могут они творить счастливыми. Чем более Монархиня трудилась для России, чем более осыпала ее добром и славою, тем более Она любила в ней предмет Своих благодеяний и каждое благодеяние было для нас залогом нового. Сограждане! Я изъясню теперь общее наше чувство: скажите, что великое могло, наконец, удивить нас в делах Екатерины? Не все ли в руках Ее казалось нам легким, естественным, даже необходимым? Приученные к Ее обыкновенной славе и добродетели, мы были уже, дерзну сказать, как бы нечувствительны к делам Монархини; истощенная благодарность наша уподоблялась неблагодарности! Ваше сердце разумеет меня, о сограждане! Я не порицаю, но хвалю вашу чувствительность. Виноват ли смертный, если Небо, открывая для Монаршей добродетели поле бесконечное, полагает границу нашей любви, признательности, самому удивлению; если, даруя Своим орудиям некоторую часть прав Своих, оставляет нас, обыкновенных людей, в тесном кру-

гу человечества?

Сия геройская ревность к добру соединялась в Екатерине с редким прониканием, которое представляло Ей всякое дело, всякое начинание в самых дальнейших следствиях; и потому Ее воля и решение были всегда непоколебимы. Она знала Россию, как только одни чрезвычайные умы могут знать государство и народы; знала даже меру Своим благодеяниям, ибо самое добро в философическом смысле может быть вредно в Политике, как скоро оно несоразмерно с гражданским состоянием народа. Истина печальная, но опытом доказанная! Так, самое пламенное желание осчастливить народ может родить бедствия, если оно не следует правилам осторожного благоразумия. Сograждане! Я напому вам Монарха, ревностного к общему благу, деятельного, неутомимого, который пылал страстию человеколюбия, хотел уничтожить вдруг все злоупотребления, сделать вдруг все добро, но который ни в чем не имел успеха и при конце жизни своей видел с горестию, что он государство свое не приблизил к цели политического совершенства, а удалил от нее:

ибо Преемнику для восстановления порядка надлежало все новости его уничтожить. Вы уже мысленно наименовали Иосифа – сего несчастного Государя, достойного, по его благим намерениям, лучшей доли! Он служит тебе, от которой мудрость Екатерины тем лучезарнее сияет. Он был несчастлив во всех предприятиях – Она во всем счастлива; он с каждым шагом вперед – отступал назад – Она непрерывными шагами текла к своему великому предмету; писала уставы на мраморе, неизгладимыми буквами; творила вовремя и потому для вечности, и потому никогда дел Своих не переделывала – и потому народ Российский верил необходимости Ее законов, непременных, подобно законам мира. Европа удивлялась *счастью* Екатерины: Европа справедлива, ибо мудрость есть редкое счастье. Но кто думает, что темный, неизъяснимый случай решит судьбу государств и неразумная или безрассудная система правления, тот по крайней мере не должен писать Историю народов. Пет, нет! Феномен Монархини, Которой все войны были завоеваниями и все уставы счастьем Империи, изъясняется только со-

единением великих свойств ума и души.

Душа Екатерины была тверда, мужественна, истинно геройская. Небо, как бы единственно для славы Ее, несколько раз помрачало тучами горизонт России в царствование великой Монархини, чтобы Она, презирая бури и громы, могла доказать народам крепость души Своей: так искусный мореходец еще более славен опасностями, чрез которые провел он корабль свой в мирное пристанище. Сograждане! Я дерзну напомнить вам то время, когда Россия, сражаясь с сильным внешним неприятелем, видела язву, смерть, волнение в стенах Московских и скоро после – безумный, яростный бунт, который пламенною рекою разливался по обширным странам ее; когда завистники Екатерины, сильные Цари, радовались нашему бедствию и грозили Ей новою войною... тогда, тогда надлежало видеть славу мужественных Ее добродетелей! Она вещает Вождю Своего отдаленного воинства: *иди далее и побеждай*. Она как солнце взирает с трона на град столичный, и печальный мрак его исчезает; Она отвечает на угрозы Дворов: *Я отражу нападение!* И мы удивляемся

Риму, который, видя у врат своих неприятеля, повелевает Консулу идти с воинством в другую часть мира, или, теснимый со всех сторон врагами, с презрением слышит о новых!.. Сограждане! Я уже говорил о той минуте, когда Монархиня в увеселительном Дворце Своем спокойно исчисляла выстрелы кораблей Шведских, и когда главные армии наши были за отдаленными пределами отечества: Англия, Пруссия вооружались, хотели предписать нам мир, но Екатерина непоколебимая даровала оный Густаву, а Питт и Фридрих Вильгельм должны были смириться. – Сия-то решительная твердость принудила все Кабинеты в некотором смысле зависеть от нашей Монархини, и все трактаты Ее с Державами были славны для России.

Но Великая в Героях сохранила на троне нежную чувствительность Своего пола, которая вступалась за несчастных, за самых виновных; искала всегда возможности простить, миловать; смягчала все приговоры суда и служила совершеннейшим образцом той высокой добродетели, которую могут иметь одни Небеса и Государи: милосердия! О божествен-

ная кротость сердца! Украшая человечество во всяком состоянии, ты торжествуешь на престоле! Каждое движение твое есть там спасение людей – и зрелище виновного, тобою сохраненного и помилованием исправленного, есть прелестный рай твой, неизвестный душам жестоким! Ах! Человеческое правосудие не может быть истинным правосудием без милосердия! Но Екатерина чувствительная ведала ту черту, которая отделяет небесную добродетель от слабости; не преступала ее и Царским долгом побеждала нежность Своего сердца.

Спрашиваю у всех Россиян: было ли что-нибудь оскорбительное для человеческой гордости, что-нибудь тягостное для самолюбия в чувствах нашего беспредельного к Ней повиновения? Не казалось ли оно природным влечением сердца, необходимостью души, ее любезною потребностью? Следуя уставам Монархини, мы следовали гласу Неба и, повинувшись, не знали принуждения. Она прелестными качествами души Своей украшала власть Державную. Благоговей пред Обладательницею народов, сердца Россиян обожали Екате-

рину, и лучезарные добродетели Монархини соединялись в Ней с пленительною любезностию человека. Чужеземцы! Вы, которые из отдаленных климатов приезжали в Россию единственно за тем, чтобы видеть Екатерину! Скажите, с каким чувством вы приближались к Ней, когда Она, окруженная Своими Полководцами и Министрами, окруженная славою дел Своих, взирала на вас с величием? Не представлялось ли вам, что вы зрите Монархиню мира и вашу собственную? Но вы, которые наслаждались неоцененным счастьем видеть и слышать Ее, когда Она от величия снисходила к любезности, и как бы преставая быть Монархиною, являлась только в виде светской приятности, дружественной искренности, среди достойнейших людей Двора Ее, в незабвенных для вас вечерних собраниях, куда принуждение входить не дерзало, где царствовала свобода в разговорах, где всякий для себя мог заниматься удовольствиями общества! Вы с удивлением и слезами говорите о сих часах, которые вам казались минутами и в которые ласковые слова Ее, простое обхождение, искренняя веселость и невинные иг-

ры, Ее присутствием и самым участием оживляемые, заставляли вас позабывать Самодержицу и восхищаться одною неизъяснимою прелестью ума Екатерины.

Сия трогательная, любезная мысль уступает место еще любезнейшей: Мать отечества была и самую нежнейшею матерью семейства. Какое воображение без сладкого душевного чувства может представить себе Монархиню, Которая, одною рукою подписывая судьбу государств, другою ласкает цветущие Отрасли Императорского Дома, и Которая, прерывая нить великих политических мыслей, оставляя на минуту заботы правления, отдыхает сердцем в семейственных радостях и, так сказать, дополняет ими счастье добродетельной Монархини? Если обыкновенному уму трудно вообразить сие неизъяснимое счастье, то всякое чувствительное сердце представит себе душевное удовольствие нежной Праматери, когда священное потомство Ее расцвело пред нею; когда Она видела пред Собою и совершенство Ангельской красоты, и нравственное совершенство, и надежду любви Своей, и надежду России!

Но какая чудесная сила укрепляла Екатерину для бесчисленных предметов Ее деятельности, так, что Великая могла, занимаясь правлением Империи, ежедневно заниматься и Августейшим Домом Своим; находить время для внешних Министерских, внутренних государственных и частных судебных дел, для Своей особенной переписки, ученых трудов, для самых женских прелестных рукоделий (ибо Она любила иногда напоминать себе простоту Пенелопина века) – и, наконец, для приятного отдохновения в избранном Своем обществе? Сия чудесная сила есть дух *порядка*, благодетельный для всякого, а в добром Монархе счастье народа. Каждый час представлял Ей особенное упражнение, и сие разнообразие, обновляя внимание души, служило для разума Ее некоторым успокоением. Следуя такой мудрости систем, Она успела затмить самые деятельнейшие царствования, известные нам по Истории; дела *единой* Государыни могли бы прославить *многих* Государей.

И слава Екатерины принадлежит Ей Самой. Генрих IV был Царь мудрый и благоде-

тельный; но Сюлли стоит подле него: История освещает их одним лучом славы. Людовик XIV гремел в Европе, возвеличил Францию; но Кольбер, первый Министр в мире, был его Министром! Екатерина, Законодательница и Монархиня, подобно Петру, образовала людей – но сии люди жили и действовали Ее душою, Ее вдохновением; сияли заимствованным от Нее светом, как планеты сияют от солнца; Она отличала некоторых, и сие отличие было мерою их важности. Таким образом, видели мы при Екатерине возвышение человека, которого нравственное и патриотическое достоинство служит еще предметом споров в России. Он был знатен и силен: следовательно, немногие могут судить о нем беспристрастно; зависть и неблагодарность – суть два главные порока человеческого сердца. Но то неоспоримо, что Потемкин имел ум острый, пронизательный; разумел великие намерения Екатерины, и потому заслуживал Ее доверенность. Еще неоспоримее то, что он не имел никакого решительного влияния на Политику, внутреннее образование и законодательство России, которые были единствен-

но творением ума Екатерины. Ее Министры исполняли только волю Ее – и Россия имела счастье быть управляемою одним великим Гением во все долговременное царствование Екатерины.

Но счастье может ли казаться долговременным?.. О сограждане! Небо простит нам несправедливость нашу, когда мы, пораженные ударом, забыли непременные уставы Природы; забыли, что Великая успела осыпать нас благодеяниями на течение веков, и дерзали обвинять Провидение, что Оно столь скоро лишило наше отечество Матери, и столь внезапно: ибо Екатерина, *не умирая*, не приготовив нас страхом к сему несчастью, в одно мгновение сокрылась духом от земли и России! Обольщенные бессмертием дел Ее, мы думали, что и Сама Она бессмертна; думали, что Та, Которая украсила вечер жизни отцов наших, должна была царствовать и для благоденствия наших детей! Она оставила нам мудрые законы Свои, источник блага и просвещения для самых отдаленных потомков; но нам казалось, что с Нею мы всего лишились; что Она вся во гробе, и с нашим сча-

стием, делом рук Ее. Не те одни были неутешны, которые наслаждались лицезрением Великой, внимали пленительным словам Премудрой, окружали трон Ее; нет, вся Россия проливала горестные слезы, ибо Она не для любимцев, а для России царствовала; не только некоторым, но всем благодарила – и слезы чувствительных сердец текли Ей в жертву с равным жаром в столицах и в самых отдаленных пределах государства. О Монархи мира! Екатерина и жизнью, и смертью Своею служила вам примером: так царствуйте, чтобы смертные обожали вас! И видя, с каким умилением, с какою трогательною любовью донныне говорят Россияне о Великой, будьте уверены, что народы чувствительны и благодарны против Царей добродетельных, и что память ваша, если вы заслужили любовь подданных, пребудет вовек священной. И самого недостойного Государя хвалят, когда он держит в руке скипетр, ибо его боятся, или гнусные льстецы хотят награды; но когда сей скипетр из руки выпадет, когда Монарх платит дань общему року смертных – тогда, тогда внимайте гласу Истины, которая, повелевая

умолкнуть страстям, надежде и страху, опершись рукою на гроб Царя, произносит свое решение, и веки повторяют его! Не в чертогах Царских обнаруживается чувство народное; о всяком Монархе кто-нибудь из царедворцев искренно проливает слезы; нет, оно явно только на стогнах града, в тихом жилище семейств, от Двора удаленных, и в хижине мирного трудолюбия, если в них сердечная признательность не оплакивает смерти Государя, то он не царствовал для народного счастья!

Сограждане! Каким торжеством для добродетелей Монархини и для вашей святой благодарности были первые слова юного Самодержца, Который, восходя на престол России и желая объявить волю Свою царствовать мудро и добродетельно, сказал только: *«Я буду царствовать по сердцу и законам Екатерины Великой!..»* Великой!.. – повторила вся Россия. Сим обетом Он почтил и память Ее, и вашу признательную к Ней любовь; вы разумели Его – и утешились!

Но благотворения новые не охлаждают в сердце нашем признательности к делам Екатерины; мы воспоминаем их с любовью, чи-

таем мудрые законы Ее с удивлением, и в восторге чувствительности взираем на небо, где око смертного ищет всегда бессмертных... Нам кажется, что священный Дух Монархини, в образе Гения хранителя России, и там не престаёт заниматься нашим отечеством; нам кажется, что мы внимаем небесному гласу Екатерины: «О Россияне! Вы, которые были столь любезны Моему сердцу; которых счастье было Моим счастьем; на которых взирала Я с радостью Матери, видящей благоденствие детей своих! Если Я обогатила Россию новыми пределами и народами, украсила чело ваше пальмою победы, гремела в трех частях мира и славилась вами, то слава Моя была мне залогом вашей силы и безопасности; желая, чтобы мир вас страшился, Я хотела единственно того, чтобы вы могли никого не страшиться. Если Мои законы ограничивают природную вольность человека, то будьте уверены, что Я пожертвовала частию свободы только единой целости гражданского порядка и предпочла независимости вашей одно ваше благополучие; не даровала вам тех одних прав, которые могли быть для вас вредными.

Я просвещала вас, Россияне! Следственно, не хотела угнетать человечества. И если Мое царствование не возвело еще России на высочайшую степень народного блаженства, то помните, что власть Государя не есть всемогущество Небесное, Которого воля есть уже совершение; помните, что Империи цветут веками, и что Провидение требует от Царей только возможного блага. Но Я указала вам великую цель: теките к ней осененные Моими лаврами, путеводимые Моими законами! И когда все народы земли будут завидовать вашей доле; когда имя Россиянина будет именем счастливейшего гражданина в мире – тогда исполнятся тайные обеты Моего сердца; тогда вы узнаете, что Я хотела, но чего не могла сделать; и признательность ваша почтит равно и дела Мои, и Мою волю: единая награда, к которой добрые Монархи могут быть чувствительны и по смерти своей!»

И я клянусь именем вашим, о сограждане! Именем всего нашего потомства, что память Екатерины Великой будет во веки веков благословляема в России.

1801 г.

Примечания

Родительница Екатерины, зная любовь Ее ко чтению книг, в завещании своем отказала Ей свою библиотеку сими словами: «Любезной моей Государыне Дщери Екатерине Алексеевне отдаю всю мою библиотеку, как здешнюю, так и Доренбургскую, собранную мною нарочно для Ее Высочества; ибо я знаю Ее великую охоту ко чтению. Всевышний да поможет Ей украситься плодами оногo, и да приобретет Государыня, любезная Дщерь моя, все добродетели, нужные для Ее высокого сана! Через что исполняются наши родительские наставления, прежде данные Ее Высочеству».

[^^^]

В сей же год были взяты Бендеры Графом Петром Ивановичем Паниным

[^^^]

3

На острове Тамань. См. любопытное сочинение Графа А.И. Пушкина о сем предмете.

[^^^]

В Херсоне.

[^^^]

5

По законам Швеции Король не мог начинать войны без согласия других властей, то есть Сейма.

[^^^]

Французской революции

[^^^]

Написанных им в его «Тактике», кратком, но любопытном сочинении.

[^^^]

См.: Указ об уничтожении Тайной Канцелярии в 1762 г. Октября 19.

[^^^]

Указ о лихоимстве в 1762 г.

[^^^]

От 6 Июня 1763.

[^^^]

Петр Иванович Панин – сей случай всем известен.

[^^^]

1764 г., Апреля 21

[^^^]

Указ 1762 г., Августа 10.

[^^^]

Указы 1763 г., Июля 22 и 1764, Марта 11.

[^^^]

Манифест 1764 г., Февраля 26.

[^^^]

См.: Указ о военной дисциплине и Инструкцию Полковнику.

[^^^]

Манифест о собрании Депутатов.

[^^^]

Сей анекдот известен. Самоедам никак не могли изъяснить, что такое закон.

[^^^]

Сии числа означают отделения «Наказа».

[^^^]

О свободе торговой можно сказать то же, что о свободе политической: она состоит не в воле делать все полезное одному человеку, а воле делать все не вредное обществу.

[^^^]

См.: Манифест при «Учреждении».

[^^^]

Сия благодетельная должность есть ныне
должность Губернаторов.

[^^^]

См.: «Учреждение».

[^^^]

Обнародованный в 1782 г., Апреля 8.

[^^^]

См.: «Зерцало Благочиния».

[^^^]

См.: «Дворянскую Грамоту», подписанную в 1785 г., 21 Апреля.

[^^^]

См.: «Городовое Положение».

[^^^]

Ученые и художники по сему закону имеют право на достоинство Именитых Граждан.

[^^^]

Указом 1786 г., Февраля 19.

[^^^]

Я не могу говорить здесь о всех Указах Екатерины: например, о межевании, о фабриках, о таможняках, о рудокопнях, о почте, о сборе податей, о банках и проч. Все они доказывают Ее попечительность о пользе государства и граждан.

[^^^]

См. переписку Екатерины с Вольтером.

[^^^]

Нередко самые лучшие учреждения, уже не будучи одушевляемы деятельным надзиранием первого творца их, мало-помалу теряют всю пользу; но Сиротский Дом и Воскресенское Училище девиц имели счастье найти новую Покровительницу в Ее Величестве Вдовствующей Императрице, Марии Федоровне, Которая оживляет их Своим попечением.

[^^^]

Он прежде назывался Школою.

[^^^]

См.: Указ 1762 г. о Корпусах. – Многие наши Офицеры, как известно, служили на Английских кораблях.

[^^^]

Еще учреждены Монархиною Горное, Лекарское и Судоходное Училища.

[^^^]

См. главу о воспитании в «Наказе».

[^^^]

Прежде была Медицинская Канцелярия.

[^^^]

См. Сешелево путешествие в Монбар.

[^^^]

Я читал переписку Лейбница с Петром Великим. Ко славе того и другого можно сказать, что они почитали друг друга.

[^^^]